

ВИКТОРИЯ
ПЛАТОВА

8-9-8

Завораживающие детективы Виктории Платовой

Виктория Платова

8-9-8

«ЭКСМО»

2019

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Платова В. Е.

8-9-8 / В. Е. Платова — «Эксмо», 2019 — (Завораживающие детективы Виктории Платовой)

ISBN 978-5-04-105033-7

Габриель не очень любил вспоминать, как эта тетрадь попала ему в руки. Грязная история. Когда-то давно, в детстве, он с ватагой мальчишек украл у незнакомого мужчины сумку. В ней не оказалось ничего ценного – только сменная одежда и обычная тетрадка. Эту тетрадь, заполненную бесконечным потоком слов, написанных слитно, без пробелов, Габриель читал десять лет. Это был дневник, написанный от первого лица. О том, как мужчина убивал женщин. С жуткими, леденящими кровь подробностями. Всего семь женщин, семь кошмарных убийств. И когда Габриель перевернул последнюю страницу, он понял: они встретятся. Он и тот самый мужчина, написавший дневник...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-105033-7

© Платова В. Е., 2019
© Эксмо, 2019

Содержание

Carrer de ferran:	6
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Виктория Евгеньевна Платова

8-9-8

© Платова В.Е., 2019

© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2019

Все персонажи являются плодом воображения автора, возможное сходство с реально существующими людьми остается лишь сходством, не более. Все события, описанные в романе, – вымышлены, все диалоги – придуманы, география и топография – неточны, и единственное, за что может поручиться автор, – истинность переживаний героев.

Carrer de ferran: Четная сторона улицы

* * *

...От малоформатных художественных альбомов типа «1000 татуировок», или «1000 блюд восточной кухни», или «1000 ликов утерянной индейской цивилизации» нет никакого проку.

Во всяком случае, за последний год Габриель не продал ни одного.

Альбомы размером побольше, в твердом переплете и с суперобложкой чуть более перспективны, что, несомненно, сказывается на продажах:

«Жизнеописание Гауди» – два экземпляра, «Эдит Пиаф в картинках и фотографиях» – еще два, «Мир гейзеров» – три, «Драконоведение» – тринадцать, хотя давно известно, что драконов в природе не существует. Габриель хорошо помнит всех тех, кто купил в его магазинчике Гауди, Пиаф, гейзерные вакханалии и драконовы манускрипты: десять мужчин, девять женщин и один ребенок, все – с бледными лицами праздных мечтателей, все – с зелеными глазами записных неудачников, все – с безвольными ртами брошенных любовников (к ребенку это, конечно, не относится).

В родном Городе Габриеля редко встретишь бледные лица, зеленые глаза и безвольные рты, вот он и запомнил. Что касается ребенка (мальчика) – на вид ему было не больше десяти. И в магазин он зашел без спутников. «Уж не потерялся ли малыш?» – подумал тогда Габриель.

Потерявшимся малыш не выглядел.

И уроженцем родного Города Габриеля – тоже. Слишком он был светлокожим, слишком зеленоглазым, а впрочем... В мире произошло так много изменений, огромные человеческие массы перемещаются по нему совершенно свободно и оседают, где им заблагорассудится, – подобно песку, дождю или вулканическому пеплу. Не исключено, что малыш живет здесь, на соседней улице, а может, в нескольких кварталах от книжного магазинчика Габриеля.

– Привет, – сказал Габриель мальчику.

– Привет, – ответил мальчик на родном языке Габриеля – испанском.

– Любишь книжки? Идем, я покажу тебе полку с отличными детскими книжками. Ты можешь их полистать, посмотреть картинки... Ты можешь выбрать, что захочешь.

Малыш и с места не сдвинулся. Да и понимает ли он испанский? Вдруг Габриель ошибся, ведь произнесенное без всякого акцента «*Hola!*» ровным счетом ничего не значит: многочисленные туристы, которыми кишмя кишит родной Город Габриеля, плавают в «*Hola!*» как рыба в воде, это первейшее слово, основа основ.

Самое время спросить мальчишку о сопровождающих: негоже, чтобы чье-то десятилетнее сокровище шлялось без присмотра. Чтобы белоснежная, наглаженная (а может, просто новая) футболка шлялась без присмотра. И такие же чистенькие шорты из легкой джинсовки, и безупречные светлые кроссовки с торчащими из них безупречными носками.

Фисташковый. Цвет носков можно определить как фисташковый. Когда Габриелю было столько же лет, сколько этому мальчугану, он с ума сходил по фисташковому мороженому. Он с радостью заменил бы фисташковым мороженым всю остальную, гораздо менее привлекательную, а временами – откровенно скучную еду.

О чем мечтал тогда Габриель?

О том, чтобы стать мороженщиком.

На худой конец – пингином, тюленем или белым медведем, живущими на очень далеком, почти мифическом Севере, где доступ к ослепительно-прохладному фисташковому мороженому совершенно неограничен. «Все это враки, – убеждала маленького Габриеля сводная сестра Мария-Христина, – всем известно, что пингины, тюлени и белые медведи питаются сырой рыбой, а вовсе не мороженым, а тот, кто думает иначе, – самый настоящий дурачок». Хотя, помнится, Мария-Христина употребила совсем другое слово:

недоумок.

Мария-Христина не имела обыкновения церемониться с Габриелем. Ни когда они были детьми, ни позже, когда они выросли и стали тем, кем стали: Габриель – не слишком удачливым владельцем крошечного магазинчика, торгующего книгами, а Мария-Христина – преуспевающей сочинительницей любовно-авантюрных романов. Слову «недоумок» и всем прочим нелицеприятным (*приперченным*) словам, которыми изобилует устная речь Марии-Христины, в этих романах места не нашлось. Совсем напротив, с их страниц на читателя льются патока и сахарный сироп, а сюжеты, состряпанные циничной и предприимчивой Марией-Христиной, имеют такое же отношение к реальной жизни, как тюлени и белые медведи – к фисташковому мороженому.

Насчет пингинов Габриель не уверен до сих пор.

Все из-за старенького маломощного фургончика из детства Габриеля, именно он развозил мороженое. И на боку фургончика был нарисован пингвин. Значит, связь между пингинами и мороженым все же существует, как бы ни злорадствовала по этому поводу Мария-Христина. Она злорадствует и по всем остальным поводам, касающимся младшего брата. Бизнес Габриеля, личная жизнь Габриеля, умственные способности Габриеля, несбыточные мечты Габриеля... Впрочем, со времен посрамленного Марией-Христиной симбиоза пингинов и мороженого Габриель взял себе за правило не делиться с сестрой несбыточными мечтами. Он защищает их от несанкционированного вторжения не хуже цепной собаки – и не его вина, что вдоль охраняемого периметра то и дело (*раз за разом*) возникают бреши.

У Марии-Христины – дьявольская интуиция.

И такая же дьявольская способность находить в человеке слабые места и бить по ним, не раздумывая, не отвлекаясь на сантименты. Просто так – потехи ради или преследуя какую-то свою корыстную цель. Корыстные цели Марии-Христины давно известны Габриелю, ничего сверхвыдающегося или экстраординарного в них нет: жажда денег, жажда славы, жажда власти над как можно большим количеством мужчин, стремление к доминированию и психологическим манипуляциям. Пособие по нейролингвистическому программированию, случайно увиденное Габриелем в дорожном саквояже сестры, – лишнее тому подтверждение.

Габриель никогда бы не потерпел таких книжонок на полках своего магазина. Он не берет на реализацию и романы Марии-Христины, хотя понимает: наличие в ассортименте подобного рода литературы резко улучшило бы дела и привлекло в магазин орды домохозяек со всей округи. А выставленный в витрине плакат с намеком на встречу со «знаменитой писательницей» и вовсе произвел бы фурор. По-другому и быть не может: Мария-Христина – вполне узнаваемое медийное лицо. Без нее не обходится ни одно ток-шоу, ни одна викторина, ни один лотерейный розыгрыш. Нет темы, по которой Мария-Христина не высказала бы свое веское экспертное мнение – начиная с проблем утилизации ядерных отходов и заканчивая проблемами искусственного вскармливания младенцев и выращивания сорго в промышленных масштабах. Как при таком бешеном ритме псевдообщественной жизни она умудряется выкраивать время для своих опусов – настоящая загадка.

Габриель честно пытался заставить себя прочесть хотя бы десяток страниц, состряпанных Марией-Христиной. И ни к чему, кроме пульсирующей в висках головной боли и яростного желания порвать на клочки столь откровенную литературную мерзость, это не привело. А за краткосрочным приступом ярости следовала долгоиграющая и вполне себе трезвая мысль: *чем*

писать дрянь, лучше бы ты умерла! Поначалу Габриель страшно боялся прихода этой мысли, разве что в обморок не падал: он, Габриель, – человеконенавистник, желающий всех и всяческих напастей ближнему? Быть того не может!..

Еще как может.

Чем писать дрянь, лучше бы ты умерла!

Занимайся Мария-Христина не сочинительством, а чем-нибудь другим – кошмарной мысли не возникло бы никогда. Продавщица супермаркета Мария-Христина вызывала бы в Габриеле только нежные чувства; социальный работник Мария-Христина оказалась бы затопленной волнами братской любви; Габриель с готовностью ходил бы за кормом для маленькой собачки официантки Марии-Христины и чинил душ в квартире Марии-Христины – бесхитростной секретарши.

У «знаменитой писательницы» Марии-Христины тоже есть маленькая собачка, Пепя. Габриель ненавидит эту гадину не меньше, чем ее хозяйку, о том, чтобы отправиться за кормом для Пепы, и речи не возникает. Да и с чего бы ей возникнуть? – визиты Марии-Христины в дом Габриеля год от года становятся все реже, все краткосрочнее. И Габриель искренне надеется, что со временем они прекратятся совсем. И мысль *чем писать дрянь, лучше бы ты умерла* покинет черепную коробку Габриеля и удалится в неизвестном направлении. Но пока этого не произошло, Габриель, сжав зубы, терпит и сестру, и ее шелудивую собачонку, и ее спутников (закормленных стероидами молодых людей), и ее извечное

недоумок.

– Мой младший брат – недоумок, – с иронией поясняла Мария-Христина своим анаболическим любовникам.

По прошествии некоторого количества лет Габриель перекочевал в разряд старшего брата: Мария-Христина всеми силами старается удержаться на расплывчатом возрастном рубеже «около тридцати». Она ни за что не сдаст своих позиций, хоть бы и небо упало на землю, хоть бы и Лапландия оказалась завоеванной китайцами, вышвырнувшими оттуда Санта-Клауса, и оленей Санта-Клауса, и всех других оленей; так какая перспектива ожидает Габриеля? Стать дядей, а потом – другом отца, а потом – двоюродным дедушкой вечно юной Марии-Христины. При условии, что ее набеги на дом Габриеля не сойдут на «нет» окончательно.

Не сойдут.

Какими бы искренними ни были надежды Габриеля на обратное.

Неуемной Марии-Христине просто необходимо толочь кого-то носом в дерьмо неудавшейся жизни. И Габриель – самая подходящая для этого кандидатура, самая безответная. Не потому, что Габриель – слабак и никудышник, а потому, что он ни разу не позволил себе воспрепятствовать бесчинствам Марии-Христины. Он ведет себя по отношению к ней как философ и стоик, как самый настоящий старший брат, как любящий друг отца, как всепрощающий двоюродный дедушка. *Бедная ты, бедная*, меланхолично размышляет Габриель, *столько усилий, чтобы удержаться на плаву – и где гарантия, что усилия эти не окажутся напрасными? Что молодые любовники не бросят тебя, а читатели не увлекутся другой, более занятой и менее бездарной беллетристкой. Лишь преданность Пепы не вызывает сомнений, но и здесь тебя поджидает неприятное открытие, бедная Мария-Христина: собаки живут много, много меньше, чем люди. Так что разлука с Пепой по причине ее естественной старости и естественной смерти неизбежна, если, конечно, вы внепланово не погибнете вместе. В какой-нибудь автомобильной, железнодорожной или авиационной катастрофе. Или в результате террористического акта, или от рук психически нездорового человека, а – проще сказать – маньяка, насильника и убийцы.*

Нет-нет, последний вариант ни за что не устроил бы Марию-Христину, слишком постыдным и нелюбимым он выглядит. Террористический акт тоже вызвал бы у нее негодование,

равно как и железнодорожная и авиационная катастрофы: в этих прискорбных случаях счет жертв идет на десятки, а то и сотни, и Мария-Христина автоматически стала бы *одной из...*

Одна из —

вот что категорически не приемлет сестра Габриеля, отравленная случайной и зыбкой славой. Даже ее гипотетическая смерть должна быть эксклюзивной, единственной в своем роде. При этом желательно было бы и вовсе не умирать, но смерть — *самый лучший информационный повод, который только можно придумать*. В минуты недолгих, надменных и подогретых алкогольными парами откровений Мария-Христина так и заявляет Габриелю:

— Смерть — самый лучший информационный повод, который только можно придумать, недоумок.

— У тебя проблемы с продажей последнего романа? — интересно, сколько раз Габриель задавал сестре этот вопрос?...

— Тиражи могли быть и больше.

— Как у Библии?

— Как у той бестолочи, что посадила человечество на... м-м-м... Гарри Поттера. Как у того кретина, что разродился ахинеей про код да Винчи...

Имен своих более удачливых конкурентов по литературному бизнесу Мария-Христина не запоминает принципиально.

— Через три года о них и не вспомнит никто. Вот увидишь!

— Сомневаюсь. — Габриель иногда позволяет себе подтрунивать над сестрой.

— Ну, через пять!

— Маловероятно.

— Чтоб им сдохнуть! — никак не хочет уняться Мария-Христина.

— Смерть — самый лучший информационный повод, ты сама это говоришь.

— Верно... Тогда пусть живут сто лет и преимущественно — в забвении. В тени былой известности, которая больше не вернется. Как тебе такой вариант, а?

— Ты все-таки очень жестокий человек, Мария-Христина. Бог тебя накажет.

Мария-Христина предпочитает не слышать слов Габриеля, она слишком занята завистью и злобой, снедающими ее хрупкий организм. Определенно, зависть и злоба — не что иное, как раковая опухоль, инфекция, вирус: постепенно они пожирают здоровые клетки, уничтожают красные кровяные тельца, выщелачивают и крошат сочленения позвоночного столба, — недаром в последнее время Мария-Христина все чаще жалуется на боли в позвоночнике. Габриель не знаком ни с одним существом (за исключением Пепы), к которому Мария-Христина относилась бы с симпатией, не говоря уже о любви. То, что она проделывает со своими молодыми спутниками, —

точно не любовь.

Секс — да, изощренный, истерический секс — да, да, да, но (скорее всего) — речь идет о тщеславии. Таком же изощренном и истерическом, как и все, что делает и в чем оказывается замешанной Мария-Христина. А ведь она еще не старая женщина, совсем не старая, ей нет и сорока.

Точно.

Габриелю не так давно исполнилось тридцать, и, учитывая семилетнюю разницу в возрасте, Мария-Христина может претендовать на вполне щадящие и даже феерические тридцать семь. Самое время задуматься о смене деятельности, и о семье тоже, и о том, чтобы родить ребенка. Ребенок — с точки зрения Габриеля — намного предпочтительнее, чем Пепа с ее злокозненным и вздорным нравом. Да хоть бы он был и не злокозненный — в детях (этих маленьких, но каждую секунду растущих, каждую минуту меняющихся людях) гораздо больше смысла.

И гораздо больше надежд, так или иначе с детьми связанных.

Непонятно, на чем зиждется уверенность Габриеля в детях: последний раз он имел с ними дело, когда сам был ребенком. Если не учитывать того десятилетнего чистюлю, который однажды забрел в его магазин.

Ну вот.

Стоит только подумать о нем, как во рту сразу же возникает привкус фисташкового мороженого. Оттого, что носки мальчишки были того же цвета?... Это объясняет многое, но не все. Чистюля оказался совершенно необычным человеческим (или лучше сказать – *детским*?) экземпляром. От просмотра полки с книжками, соответствующими его возрасту, он сразу отказался. И на хит текущего сезона – «Драконоведение» – взглянул лишь мельком. Что само по себе выглядело странным: на крючок «Драконоведения» попадалась рыбка постарше и покрупнее – такая уж это книга! Яркая, броская, обтянутая китайским шелком, украшенная золотым тиснением. В обложку книги вмонтированы переливающиеся стекляшки, которые (хорошенько прищурившись) можно принять за драгоценные камни. И это без учета внутренностей, непомерно распухших от всяческих секретов: драконий коготь, пластина драконьей чешуи, осколок шипа с драконьего же хвоста, пакетик с толченым драконьим зубом – первым средством от подагры и неразделенной любви.

Вряд ли мальчишка знает, что такое подагра и уж тем более – неразделенная любовь.

То, что непременно увлекло бы мальчишку и вызвало его живейший интерес: гравюры с изображением рыцарей, сражавшихся с драконами, – в полной амуниции, с геральдическими щитами в руках. Впервые открыв книгу, Габриель тотчас обнаружил воссозданный с необычайной точностью фамильный герб Жоффруа Плантагенета, графа Анжуйского.

Вряд ли мальчишка знает, кем был Жоффруа Плантагенет.

Что ж, Габриель обязательно проконсультирует чистюлю насчет Жоффруа. И насчет предназначения каролингских мечей, норманнских мечей, двуручных мечей, лэнсов и кажущихся легкомысленными, но тем не менее весьма надежных арбалетов.

В борьбе с драконами все средства хороши. Проштудировав книгу от корки до корки, Габриель почти поверил в существование драконов. И даже проникся к ним симпатией. Вреда от этих животных много меньше, чем от Марии-Христины, а читать про них – одно удовольствие.

Анатомия драконов

Физиология драконов

Классификация драконов

Магические заклинания о победе над драконами

и, в качестве приложения, —

Драконы в бестиариях средневековой Европы

Радость первооткрывателя стоит смехотворные девять евро девяносто девять центов, но есть ли такие деньги у мальчишки? И захочет ли он их потратить именно на «Драконоведение»? – вон какой у него глаз! Пронзительный, насмешливый, от такого не укроется, что коготь дракона и осколок шипа с драконьего хвоста сделаны из пластика. А чешуя – из покрашенной древесной стружки. А в пакетике с толченым зубом на самом деле лежит тальк.

Хорошо еще, что полиграфия на высоте.

Но одной полиграфии недостаточно. Чтобы проникнуться драконами, впустить их в свою душу, нужно воображение. А, судя по взгляду чистюли, воображение – не самая сильная его сторона. И потом, Габриель уже сталкивался с похожим взглядом, причем неоднократно. В течение довольно продолжительного времени, едва ли не всей жизни.

Ах, да.

Мария-Христина. Его сестра, «знаменитая писательница», никогда ни о чем не мечтавшая, кроме как проснуться однажды

королевой Елизаветой (минус возраст)

Матой Хари (минус трагическая кончина)
принцессой Дианой (минус трагическая кончина, принц Чарльз и беременность)
принцессой Грейс (минус трагическая кончина, принц Ренье и беременность)
папой Иоанном-Павлом II (минус возраст, кончина, артрит коленного сустава и болезнь Паркинсона)
Иисусом Христом (минус хлопоты, связанные с Голгофой)
супермоделью Наоми Кемпбелл (минус цвет кожи)
режиссером Стивеном Спилбергом (минус очки, борода и выводок детей)
певцом Бобом Диланом (минус провальная пластинка «Прибытие медленного поезда»)
Биллом Гейтсом (минус обвинения в узурпации рынка и расходы на благотворительность) —

всеми теми (наберется еще с сотню имен), кто в разное время не на шутку волновал человечество, к кому было приковано пристальное внимание, кого обожали, кому подражали, в мыслях о ком не спали по ночам. Иконы стиля, иконы моды, иконы джаза, попа, этно и рокабилли, иконы искусства и политики и просто иконы...

Мария-Христина все, все бы отдала, заложила бы душу дьяволу, чтобы и самой оказаться в этом иконостасе. Занять хорошо освещенное, желательное – ближе к лампаде место. Она, безусловно, заслужила его по праву: не то что Елизавета, Диана и Грейс, всего лишь давшие себе труд родиться в венценосных и просто приличных семьях. Не то что черномазая Наоми, всего лишь воспользовавшаяся упавшими на нее с неба сиськами, ляжками и плоским животом, *а мозгов у нее не больше, чем у курицы, уж поверь мне, недоумок!.. Стивен Спилберг? Жалкий компилятор, паразитирующий на темах и открытиях золотого века Голливуда и на прошлых страданиях евреев, а это совсем уж отвратительно, ты понял, о чем я говорю? О «Списке Шиндлера», о чем же еще, но не будем отвлекаться... Боб Дилан? Музыкальное недоразумение!.. Билл Гейтс? Тот еще ловчила, кровосос, империалист, прикрывающийся благотворительностью... Иисус Христос – единственный, кому Мария-Христина до сих пор не рискует прищемить хвост.*

Ничего удивительного, она все же католичка.

Так она и заявила о себе на одном из второсортных ток-шоу: *«Я католичка и, несмотря на многочисленные жизненные испытания, сохранила веру в своей израненной душе».*

«Многочисленные жизненные испытания» Марии-Христины выглядят следующим образом:

В возрасте тринадцати лет я стала объектом грязных домогательств отчима, одному Богу известно, что мне пришлось пережить! (тема передачи – «Жертвы домашнего насилия»).

В возрасте шестнадцати лет я, по наивности, влюбилась в транссексуала, и это была самая настоящая трагедия! Одному Богу известно, что мне пришлось пережить! (тема передачи – «Транссексуалы среди нас»).

В возрасте двадцати одного года я, по наивности, влюбилась в подающего надежды поэта, оказавшегося наркоманом. И об амфетаминах, синтетических наркотиках, опиатах, мескалине, лунном газе, не говоря уже о марихуане, я знаю не понаслышке. Одному Богу известно, что мне пришлось пережить! (тема передачи – «Наркотики и творчество»).

В возрасте двадцати трех лет я едва не покончила с собой из-за фатальной связи со своим университетским преподавателем – транссексуалом и наркоманом, одному Богу известно, что мне пришлось пережить! (тема передачи – «Как преодолеть суицидальные наклонности»).

В этих бесконечных, наскоро сочиненных телерепризах Марии-Христины правды не больше, чем в ее побасенке о встрече с широко известным, но мало читаемым писателем Умберто Эко в лондонском аэропорту. Будто бы знаменитый теоретик постмодернизма выделил ее из толпы прилетевших ночным мадридским рейсом, подозвал двумя щелчками боль-

шого и указательного пальцев, долго вглядывался в ее лицо и, без всяких объяснений, черкнул на ее сигаретной пачке:

«Ricordati qualche volta di mé»¹.

Иногда (в зависимости от интеллектуального уровня и культурологических предпочтений слушателей) Мария-Христина позволяет себе заменить Умберто Эко на

Дэвида Бэкхема

Джона Траволту

Джастина Тимберлейка —

и тогда меняются язык и почерк, но сама надпись, равно как и сигаретная пачка, остаются неизменными.

Мария-Христина не курит. И никогда не курила.

И никогда не подвергалась насилию со стороны отчима, этого тишайшего, этого нежнейшего, полностью устранившегося от реальной жизни человека. Габриель может утверждать это с непоколебимой уверенностью, ведь отчим Марии-Христины – его отец. Любитель старых книг, старых пластинок, старых цирковых плакатов.

Любитель сигар.

Вот кто курил, как паровоз, – отец Габриеля.

Вот кто был достоин беглого грустного росчерка **«ricordati qualche volta di mé»** – любая (оскорбленная в лучших чувствах и недополучившая любви) женщина подписалась бы под этим.

Отца давно нет в живых, он умер в то лето, когда роман маленького Габриеля с фисташковым мороженым пошел на убыль. И мечты о том, чтобы стать пингвином, больше не осаждали его, сменившись совсем другими – соответствующими возрасту – мечтами. То лето было полно дурных поступков, странных и пугающих встреч – и таких же пугающих мыслей о них. Чертовы мысли стучались, как оглашенные, в окна зрачков; пытались тайно просочиться сквозь дверную щель рта – *выпустите нас, выпустите нас!* Даже в час похорон Габриель занимался борьбой с мыслями-пленниками, пытаясь заглушить их и минимизировать эффект от шума, который они производят.

И нет ничего удивительного в том, что он помнит похороны довольно смутно.

Было жарко.

Было полно насекомых.

Но не тех, смрадных, склизких, *обслуживающих смерть*, – совсем других. Самых настоящих чистюль, с сухими лапками, с сухими брюшками. С сухими, весело потрескивающими крыльями. Впрочем, крылья наблюдались не у всех, а лишь у двух пчел, двух стрекоз, осы и кузнечика. Насекомые на некоторое время отвлекли Габриеля от мыслей о собственных дурных поступках, но не приблизили к мыслям о происходящем на кладбище. Тех, кто скорбит по отцу, не так уж много: мать Габриеля, Габриель, его сестра Мария-Христина со своим другом Хавьером, *темной лошадкой*. Сестра самого отца, Виктория. Габриель никогда раньше не видел тетушку, и никто из близких Габриеля не видел. О ней было известно только то, что она живет в Великобритании. Теперь к этим знаниям прибавились другие: Виктория много моложе покойного брата, предпочитает, чтобы ее называли Фалена² (или, на английский манер, – Фэл), она радиоастроном и большую часть своей жизни посвятила изучению пульсаров. Межзвездный газ и реликтовое излучение – еще один пункт приложения ее сил.

Фэл и вправду похожа на ночного мотылька: такая же невзрачная, с неестественно большими глазами, которые и в голову не придет назвать красивыми. Все оттого, что глазам Фэл недостает ресниц, нельзя же назвать ресницами невразумительный пушок вокруг век!.. Лицу

¹ «Вспоминай обо мне иногда» (*ит.*).

² Falena (исп.) – ночной мотылек.

Фэл недостает красок, щекам – округлости, бровям – густоты; нос, губы и подбородок тоже какие-то недоделанные. Зато лоб простирается едва ли не до темени, он сравним по площади с футбольным полем и в состоянии принять финальный матч Кубка обладателей кубков.

Фэл – единственная из всех, кто не ощущает жары.

Так, по крайней мере, это выглядит со стороны. На ней черное платье с длинными рукавами – из какой-то очень плотной ткани. Подобная ткань была бы уместна в том английском болоте, где проживает Фэл, но совсем не здесь. На ногах Фэл – тяжелые кожаные ботинки военного образца с высокими голенищами, руки заняты платком, не очень чистым и мало подходящим к случаю. Все это выдает в Фэл дилетантку в вопросах смерти и погребения. И то правда: в межзвездной среде, в которой вращается Фэл, – во всех этих непонятных и пугающих галактиках, – смерти (в общепринятом, человеческом смысле) практически не случаются. А если случаются, то известие о них доходит намного позже собственно печальных событий.

Намного, намного позже.

Лет эдак на тысячу. Или на миллион.

Бескрылые насекомые ни капельки не интересны Габриелю. Две пчелы, две стрекозы и оса (кузнечик объявится позже) – совсем другое дело. Две пчелы выются перед лицом священника, читающего молитву, две стрекозы вальсируют над гробом, их узкие тела – ярко-синего цвета, их крылья отливают металлом. Или, скорее, – ртутью: как две упругие слезинки, застывшие на лице Фэл.

Фэл – единственная из всех, кто позволил себе выпустить влагу из глаз.

Но можно ли считать ртуть влагой?... Не забыть бы спросить об этом саму тетушку Фэл, она самая умная в семье, она радиоастроном. Между тем в хаотичных и внешне никак не связанных движениях пчел и стрекоз начинает просматриваться какая-то система, какой-то *умысел*. Как будто кто-то, находящийся вне поля зрения Габриеля (возможно – очень далеко, возможно, даже – на Севере), дергает насекомых за невидимые ниточки.

Север.

На Севере живут белые медведи, тюлени и так любимые Габриелем пингвины. А где пингвины – там и фисташковое мороженое. Мечты о нем снова уносят Габриеля прочь от происходящего на кладбище, и Габриель (вот незадача!) пропускает странный и удивительный момент, отнюдь не запланированный траурной церемонией:

одна из пчел влетает в рот священнику.

Священник принимается кашлять, фыркать и чихать, покрывается красными пятнами и, проглатывая окончания, кричит окружающим, что у него аллергия на пчел. Мария-Христина и *темная лошадка* Хавьер хихикают и подталкивают друг друга локтями. Мать Габриеля не хихикает и не задевает чужие локти, но и помочь попавшему в неожиданный переплет служителю церкви не торопится. И лишь Фэл не теряет присутствия духа: она подскакивает к священнику, бьет его по спине, дергает за нижнюю челюсть, фиксируя ее в ладонях, и подставляет свой платок.

– Плюйте, святой отец! – командует она. – Набирайте побольше слюны и плюйте!..

Святой отец сплевывает с таким остервенением, как если бы увидел перед собой Сатану. Он никак не может остановиться, орошая платок Фэл все новыми и новыми порциями пенистой жижи грязно-белого цвета. Зрелище не слишком приятное, но все наблюдают за ним, как замороженные.

Все, кроме Габриеля, с самого начала подозревавшего, что в хаотичных движениях насекомых заключен определенный умысел.

Так и есть.

Сгинувшая в пещере рта пчела была лишь отвлекающим маневром. Жертвой, принесенной всеми остальными крылатыми тварями, тут же ринувшимися в щели закрытого гроба. Они исчезают там одна за другой: две стрекозы, пчела, желто-черная оса, – и все это похоже

на короткий штурм отходящей от перрона электрички. Или нет – на штурм скорого, очень скорого поезда, чьи двери вот-вот захлопнутся. Уже захлопнулись. Последний, кому удалось вскочить прямо на ходу, —

кузнечик.

Крылья, продемонстрированные при этом кузнечиком, имеют ярко-красную расцветку, Габриель в жизни не видел таких богатых, переливающихся самыми разными оттенками тонов: от кораллового до пурпурного. Кузнечик тянет на пассажира первого класса, это несомненно.

Габриель тотчас же начинает фантазировать на тему поезда: поезд пахнет кожей, в нем полно заклепок, табличек, пластин, почтовых рожков и колокольчиков; медные поручни надрены до блеска, окна чисто вымыты, что отражается в них?... Пульсары, что же еще!!!

Пульсары, какими их представляет себе Габриель:

маленькие

косматые

хвостатые

существа, похожие на ежей и ящериц одновременно, – это то, что касается формы. По цвету они голубые – совсем как жилка, постоянно присутствующая на правом виске Марии-Христины. Жилка эта не знает покоя, бьется и вибрирует с разной степенью интенсивности. Ее активность особенно велика в те моменты, когда Мария-Христина собирается соврать матери, что ей надо подготовиться к письменной контрольной у подруги, а подготовка отнимает много времени и сил – так много, что сегодня Мария-Христина не вернется домой и заночует у Соледад (подругу зовут Соледад), и вовсе не стоит беспокоиться, мама. На самом деле Мария-Христина спешит на свидание с *темной лошадкой* Хавьером. Свидание продлится до утра и, скорее всего, будет включать в себя всякие гнусности. Настолько страшные, что одна лишь мысль о них обеспечивает человеку место в аду – так утверждают строгие и набожные родственники Габриеля по материнской линии, бабушка и тетка. Тетка, как и подруга Марии-Христины, откликается на имя Соледад, она – шизофреничка и старая дева. Эти необязательные знания Габриель почерпнул из телефонного разговора Марии-Христины и *темной лошадки* (разговаривали шепотом), но обратиться за уточнениями и разъяснениями к сестре не рискнул. В любом случае из тона Марии-Христины понятно: шизофреничка и старая дева (особенно «старая дева») – это очень плохо. Это – омерзительно. Это – смертный приговор. Мнения почти взрослой Марии-Христины и маленького Габриеля по любому жизненному поводу, как правило, кардинально противоположны, но в случае с теткой-Соледад они зеркально отразились друг в друге:

тетка-Соледад – вселенское зло.

И счастье еще, что она приезжает раз в год – всегда на Страстную неделю, не раньше и не позже, а что бы было, если бы она жила с ними постоянно? Она,

которая считает мать Габриеля – свою сестру – глупой крольчихой. А отца Габриеля – своего зятя, – кроликом-распутником, напрочь позабывшим о Боге. Мария-Христина – племянница, – в глазах тетки-Соледад выглядит начинающей, но весьма перспективной шлюхой, которая закончит жизнь в сточной канаве с перерезанным горлом, а больше всего не повезло Габриелю. Тетка-Соледад вбила себе в голову, что Габриель вечно подглядывает за ней, когда она моется в ванной, и еще – когда она переодевается к завтраку; к тому же юный воришка стянул у нее до конца не использованную зубную нить, *разве это не гнусность?*

Гнусность – любимое словечко тетки-Соледад, при этом конкретное его значение никогда не расшифровывается. Гнусность разлита в воздухе; она, подобно пыли, тонким слоем лежит на всех предметах; человеческие умы и человеческие языки не генерируют ничего, кроме гнусности. Все, когда-либо написанные книги, – гнусность, телевидение – еще бльшая гнусность; любовные песенки, звучащие по радио, – гнусность в квадрате. Что уж говорить о собаках и кошках, они бегают по улицам и беспрестанно гадят. Малолетние дети не озабо-

чены ничем другим, кроме как слезкой за срамными поступками взрослых, – вот уж гнусность так гнусность!.. Мужчины наполнены гнусностью по самые кадыки, в женщинах уровень гнусности претерпевает сезонные колебания – от низа живота до ключиц. И лишь вокруг тетки-Соледад существует клочок пространства, свободный от гнусности. Его площадь не больше, чем площадь боксерского ринга, он огорожен канатами из сплетенных друг с другом зубных нитей, по краям вбиты добротные дубовые распятия, и в самом центре, освещенная тысячами прожекторов, облаченная во все белое, стоит она —

Соледад.

На самом деле тетка-Соледад никогда и никому не являлась в белом. Она предпочитает немаркие ткани и не бросающиеся в глаза цвета, все ее платья существенно ниже колен, их рукава скрывают запястья, а воротнички – шею, Габриелю она кажется ведьмой, Марии-Христине – инквизиторшей, охотящейся на ведьм: и то и другое недалеко от истины. Вместе с ее приездом в фамильном гнезде семейства Габриеля (и без того не слишком веселом) поселяются уныние и тьма. Из-за тетки-Соледад Габриелю никогда не удавалось толком разглядеть бабушку. Бабушка вечно находится в тени своей младшей дочери (тетка-Соледад – *младшая*, кто бы мог подумать!), она и шагу не может ступить без благословения ведьмы-инквизиторши, *Соледад права, будем делать то, что сказала Соледад*, – только это и слышишь, когда бабушка все-таки открывает рот. Внуки, старшая дочь и зять нисколько не интересуют бабушку, исчезни они совсем – старуха бы этого даже не заметила, ведь Соледад всегда при ней. Обволакивает своими черными, жирными, похожими на пиявок, волосами: одурманивает запахом свечей и ладана, опутывает дешевыми, покрытыми облупившейся эмалью четками. Все это не просто так, утверждает Мария-Христина, а знаешь, в чем тут дело, недоумок?

– Нет, —

честно признается Габриель, холодея от предчувствия, что сестра расскажет ему нечто выдающееся. Нечто, сравнимое по силе воздействия с историей о том, откуда берутся дети. Прошло уже несколько лет с тех пор, как Мария-Христина раскололась по поводу детей, а Габриель до сих пор под впечатлением.

– Эта шизофреничка Соледад – единственный шанс старухи попасть на небеса. Шизофреничка отмаливает старухин грех, денно и нощно. А если вдруг перестанет отмаливать – тут-то старухе и конец, загремит в ад, как миленькая.

– Грех? – Габриель морщит нос,

пытаясь сообразить, не тот ли это грех, который связан с гнусностью? И со свиданиями Марии-Христины с *темной лошадкой* (в их преддверии голубая жилка на виске сестры просто-напросто выходит из себя).

Нет, не тот.

Речь идет о грехе убийства, – поясняет Мария-Христина, – когда-то давно бабка убила своего мужа, так-то, недоумок.

– Убила? – От сказанного сестрой у Габриеля начинает страшно колотиться сердце.

– Ага. Зарезала ножом и зарыла, как собаку. И сказала всем, что он уехал в другой город, а потом – в другую страну, а потом и вовсе пропал.

– И ей поверили?

– Конечно. Тем более что Соледад все подтвердила. И наша мать все подтвердила. Жаль, что меня тогда еще не было на свете. Я бы тоже подтвердила.

– Зачем?

– Затем, что все мужчины подлецы. Но ты еще слишком маленький, тебе этого не понять.

Не понять. Как не понять, шутит Мария-Христина или говорит серьезно, она большая мастерица приврать при случае, а на беспокойную жилку на ее виске обращает внимание только Габриель. Надо бы спросить у сестры, относится ли вышесказанное и к *темной лошадке*, ведь Мария-Христина обычно пускается во все тяжкие, лишь бы очутиться в объе-

тиях Хавьера. Но не Хавьер интересует сейчас Габриеля и не странное, ни на чем не основанное утверждение, что все мужчины – подлецы, а его собственный грех убийства.

Не так давно Габриель расправился с котенком.

Конечно, он был не один – в компании с другими мальчишками. Компания – очень важная составляющая жизни десятилетнего мальчика. И Габриель хотел попасть в нее не меньше, чем Мария-Христина в объятия *темной лошади*: ведь до сих пор он был никчемным мечтателем-одиночкой, обреченным выслушивать насмешки сестры и усталые наставления матери (от отца и этого не дождешься, вечно он заслоняется сигарным дымом, вечно он прячется в ящиках иллюзионистов со старых цирковых плакатов!).

Мечтатель-одиночка без единой царапины на локтях, без единой ссадины на коленях – такое положение вещей решительно не устраивает Габриеля, отсюда и компания.

Не слишком-то они подходили Габриелю, эти четверо мальчишек, хотя царапин и ссадин на их телах было предостаточно, а еще – синяки, цыпки и стригущий лишай, а еще – пустоты во рту, остающиеся от то и дело выпадающих молочных зубов. Пустоты во рту – признак взросления. Сигареты (трое из четырех потенциальных друзей Габриеля уже пробовали курить) – тоже признак взросления. У Габриеля есть нечто большее, чем сигареты.

Сигара.

Сигара украдена у отца. Запакованная в алюминиевый туб, плотно свернутая, восхитительно коричневая, – она призвана стать входным билетом в мальчуковый клуб. Она – предвестие ссадин и несмываемого загара, который можно приобрести только на улице, только в компании. И если Габриель постарается, его руки и ноги тоже станут коричневыми. Восхитительно коричневыми – такими же, как и сигара.

Цвет туба – бледно-желтый, близкий к лимонному. Колпачок – красный. В красном треугольнике прямо посередине туба (он украшен скрещенными шпагами и цветком) заключено название: **MONTECRISTO**,

и, чуть ниже:

HABANA CUBA

Если поднести сигару к носу и глубоко вдохнуть, то сразу же почувствуешь тонкий древесный запах. Он никак не соотносится с самой сигарой и с названием **MONTECRISTO**, – ведь человек, давший имя сигаре, никогда не бегал по лесам, Габриелю известно это доподлинно. Габриель принадлежит к той немногочисленной категории маленьких мальчиков, которые уже прочли книжку «Граф Монте-Кристо». Некоторые места в книжке (преимущественно касающиеся женщин) кажутся ему скучноватыми и малопонятными, но сам сюжет – выше всяких похвал, он не отпускает ни на минуту. Положительно, Габриель хотел бы стать графом Монте-Кристо, но еще больше он хочет стать пятым в компании.

Таким же, как все.

Старшего мальчишку зовут Кинтэро, младшего (того, который еще ни разу не курил) – Осито³. Осито и вправду похож на медвежонок, он – самый настоящий маленький увалень, круглоголовый, добродушный. Именно на добродушие Осито и рассчитывает Габриель: медвежонок не будет вставлять ему палки в колеса и свистеть вслед мечтателю-одиночке, напротив – замолвит за него словечко при случае. Приручить Осито не составляет труда, всего-то и потребовались одно печенье, одна булочка с джемом и корицей, один перочинный нож и один крошечный заржавленный волчок, вынутый из будильника. Благосклонность двух других – Мбнчо и Нáчо – наверняка обошлась бы Габриелю много дороже. И хоть они и стоят на несколько ступенек выше Осито в иерархической лестнице, у последнего есть неоспоримые преимущества: он – брат Кинтеро, *главного*.

– Вон тот тип. Про которого я говорил, – заявляет Осито.

³ Медвежонок (*исп.*).

– Хочешь быть с нами? – интересуется Кинтеро у Габриеля.

Улица за спиной Габриеля – самая обыкновенная, унылая, бесцветная, на ней не может произойти никаких открытий. Улица за спиной Кинтеро – полна соблазнов, невиданных запахов и неслыханных звуков, она затянута лианами, она заросла хвощами и плаунами; птицы с фантастическим оперением и пиратские клады давно обжили ее. От перспектив исследования этой труднопроходимой местности у Габриеля захватывает дух, хочет ли он присоединиться к птицеловам, к охотникам за кладами?

Вопрос, глупее не придумаешь.

Без помех пересечь границу, отделяющую уныние от приключенческого романа в стиле «Графа Монте-Кристо» – вот что важно. Как было бы замечательно, если бы все зависело от продажного рядового Осито!.. Но Осито уже сыграл свою роль – больше, чем сделал, он уже не сделает.

– Чего молчишь? – таможенник Кинтеро, старший пограничный инспектор Кинтеро шарит глазами по лицу Габриеля в поисках контрабанды. – Отвечай.

– Хочу. Хочу быть с вами.

– Ладно. Завтра на этом месте в это же время ты получишь ответ.

– Я приду. Обязательно приду.

Кинтеро сплевывает. Плевок вылетает из его щербатого рта подобно маленькой комете и, шлепнувшись на землю, тут же превращается в сверкающий на солнце драгоценный камень.

Алмаз или бриллиант.

Так думает Габриель, заранее влюбленный в Кинтеро, а заодно – и в Мончо, а заодно – и в Начо, даже малышу Осито достались крохи его любви. Коротконогая любовь Габриеля едва поспевает за четырьмя мальчишками, уходящими прочь по улице. И по мере того как они удаляются, улица снова приобретает свойственный ей унылый вид: компания унесла фантастических птиц и пиратские клады с собой, следом потянулись хвощи и плауны, и лианы тоже, — где взять силы, чтобы дождаться завтрашнего дня?

Кража сигары **MONTECRISTO** призвана отвлечь Габриеля от ожидания. Кража сигары – поступок сам по себе беспрецедентный, никто не имеет права копаться в вещах отца, а в его сигарах – и подавно. С этим смирились все, включая тетку-Соледад. Сигары отца составляют самую настоящую коллекцию, они занимают только им предназначенные места, они строго классифицированы по маркам, кольцам и диаметрам; надеяться на то, что исчезновение одной из трехсот (а может – трех тысяч, а может – трех миллионов) сигар останется незамеченным, означает быть самым настоящим недоумком.

А Габриель – не недоумок, что бы ни говорила по этому поводу Мария-Христина.

Просто Габриель очень хочет стать пятым в компании.

А перед сигарой они не устоят: ни Кинтеро, ни Мончо, ни Начо, но прежде всего – Кинтеро. Осито в этом случае в расчет не берется.

...Габриель прибывает на встречу задолго до назначенного времени и тут же принимается искать место, где он не будет застигнутым врасплох: тень от дома или от дерева подошла бы, но теней в это время суток не бывает. Несмотря на ветреный и довольно прохладный апрель, над улицей властвует почти летнее солнце. Не менее всесильное, чем Кинтеро, каким он рисуется беспокойному воображению Габриеля. Солнце немилосердно печет голову, к алюминиевому тубу в кармане не прикоснуться – такой он горячий.

У Габриеля нет часов.

Ни наручных, ни каких-либо других, из всего их множества Габриелю особенно нравится *клепсидра*: внутри ее прозрачного стеклянного тела заключена вода. Вода может быть подкрашенной, она перетекает из верхней сферы в нижнюю. Клепсидра – точная копия еще одних часов – песочных. И точная копия тетки-Соледад.

Ее души.

Какой она рисуется беспокойному воображению Габриеля, естественно.

Душа тетки-Соледад – так же, как и клепсидра, так же, как и песочные часы – состоит из двух половинок, из двух прозрачных сфер, соединенных между собой узким горлышком. Единственное отличие: душу тетки-Соледад никто не трясет, никто не переворачивает. И верхняя сфера никогда не меняется местами с нижней. Чужие страшные тайны, в которые посвящена Соледад, чужие мысли (неудобные и *гнузные*), скользнув вниз, пройдя через горлышко, так и остаются на дне —

что упало, то пропало, —
ничего не попишешь.

Ни-че-го!.. – ведь бабушкин грех – не единственный в списке грехов, которые отмаливает тетка-Соледад. Несколько раз Габриель заставлял в обществе Соледад неизвестных ему пришлых женщин: они выглядели взволнованными, страшно испуганными, а некоторые даже плакали. Так, плача и волнуясь, они исчезали в комнате тетки, – и дверь за ними закрывалась, и слышен был скрежет поворачиваемого в замке ключа. О том, чтобы подойти к двери, приложить к ней ухо, и мысли не возникает. Но, если бы она и возникла, —

бабушка всегда начеку.

Сидит на высокой резной скамеечке неподалеку от двери, сцепив руки на груди и закрыв глаза. Весь год, за исключением Страстной недели, скамейка проводит в темной кладовой, среди швабр, ведер и старых игрушек Габриеля. Ее извлекают лишь к приезду бабушки и тетки-Соледад и тщательно протирают. И ставят на обычное место. Габриель терпеть не может скамейку, он не единожды наткнулся на нее и обдирал колено. Боль от содранной на колене кожи не то чтобы сильная, но какая-то унижительная. Унизителен и тихий окрик бабушки, стерегущей дверь: *ты что здесь забыл? Ну-ка, уходи!..*

Ее закрытые глаза – сплошной обман, давно пора привыкнуть к этому.

Ни одна из пришлых женщин не задерживалась за дверью больше двадцати минут, в крайнем случае – получаса, но выходят они оттуда заметно повеселевшими. Просветленными. О слезах никто не вспоминает, на смену им приходит улыбка.

Одна лишь тетка-Соледад не улыбается.

Даже когда женщины с благоговением касаются складок ее нелепого, наглухо застегнутого платья, даже когда они стараются припасть к ее руке. К запястью, обвитому четками. Слова, которые при этом произносятся, не так-то просто расслышать. Но Габриель уверен: это – одни и те же слова, с одинаковым количеством букв, *составляющих имя*. Не «Соледад», и не «Соледад-спасительница», и не «Соледад-ты-сняла-камень-с-моей-души», как можно было бы предположить, исходя из улыбок и благодарных жестов, —

другое.

Что-то мешает Габриелю уяснить – какое именно. Хотя, при желании, буквы достаточно легко затолкать в слоги – они доносятся до мальчика подобно раскатам далекого грома. А вот и молнии: их мечут открывшиеся, как по волшебству, глаза бабушки: *ты что здесь забыл? Ну-ка, уходи!..*

Мария-Христина относится к визитам странных женщин с известной долей скептицизма, но до откровенного высмеивания дело не доходило никогда: *кто знает, на что способна эта шизофреничка, эта старая дева, лучше не трогать – ни ее, ни ее гостей*.

– Зачем все они приходят? – спрашивает Габриель у сестры.

– Сам догадайся, недоумок.

«Догадаться самому» – значит снова включить воображение. А Габриеля хлебом не корми – дай только использовать его на полную катушку. Странных женщин в окружении тетки-Соледад полно, и с каждым днем становится все больше, а недавно Габриель заметил неподалеку от входной двери нескольких нерешительных мужчин – кто они такие? «Носители страшных тайн» – подсказывает воображение, – «ретрансляторы неудобных и *гнузных* мыс-

лей». Это они немилосердно эксплуатируют составленный из двух половинок сосуд теткиной души. **Набрасывают и набрасывают** в него, нимало не заботясь о последствиях.

Рано или поздно наслоения тайн и мыслей приблизятся к критической отметке – чем все обернется тогда?

Стеклянная душа Соледад треснет. Расколется.

Вжик. Крак. Фьюить – и нет ее.

На секунду Габриелю становится жаль Соледад, ни разу не давшей себе труда быть справедливой к нему. А в следующее мгновение его окружают Мончо и Начо, Осито и Кинтеро – да-да, венценосный, всеильный, как солнце, Кинтеро!.. То, что Габриель не заметил в их первую встречу, а заметил только сейчас:

на мизинец правой руки Кинтеро надето кольцо.

Вот удивление так удивление! ведь Кинтеро – мальчишка, он ненамного старше самого Габриеля, но при этом является обладателем самого настоящего кольца. До сих пор Габриель считал, что ношение колец – прерогатива взрослых; у одной Марии-Христины наберется никак не меньше пяти. Есть они и у бабушки (с темным переливающимся камнем на правой руке и с немигающим светлым – на левой). Слегка потертые, неброские кольца мамы и отца называются «обручальными». Сигарные кольца – совсем другая история, они сделаны из бумаги, их легко стащить с закопченного сигарного тела и так же легко надорвать, поджечь или уничтожить каким-нибудь другим – незамысловатым – образом. Природа такого странного украшения, как кольцо, не совсем ясна Габриелю.

– *С кольцами веселее*, – утверждает Мария-Христина, – *они – символ богатства, но могут служить и символом власти, и символом исключительности, а еще – опознавательным знаком.*

– Для кого? – Габриель, как обычно, выступает в роли вопрошающего недоумка.

Не важно – для кого. Для посвященных, вот для кого. Я бы хотела поиметь бабкины кольца, очень уж они хороши. Но старуха вряд ли с ними расстанется, во всяком случае, до тех пор, пока жива. А значит...

– Значит?...

Значит, нужно ждать, когда она взмоет на небеса. Или рухнет в преисподнюю, если молитвы Соледад не дошли до бога. Тогда-то на арене появлюсь я и...

– На какой арене?

Прекратишь ли ты когда-нибудь задавать свои дурацкие вопросы? «Появлюсь на арене» – это такая фигура речи, не суть... А суть состоит в том, что все эти фамильные драгоценности по доброй воле ко мне не перейдут. Наверняка они достанутся нищему монашескому ордену, если только на них не наложит лапу Соледад.

Мария-Христина как всегда преувеличивает: Габриель не видел у тетки ни одного украшения. Должно быть, старая дева и их причисляет к *гнуностям*, так станет ли она накладывать на них лапу? Ни за что не станет.

История немигающего светлого и переливающегося темного камней имеет довольно печальное продолжение. После тихой кончины бабушки и мученической смерти Соледад (случившихся одна за другой лет через восемь) кольца таинственным образом исчезают. И впору было бы подумать о некоем – очастливленном неожиданным приобретением – монашеском ордене, если бы... Если бы они снова не всплыли: теперь уже у Марии-Христины, выросшей и ставшей писательницей. Как и следовало ожидать, Мария-Христина хранит их в легендарной сигаретной пачке «**ricordati qualche volta di mé**», а о том, как кольца попали к ней, предпочитает не распространяться. «*Случайно обнаружила их в одном из мадридских ломбардов*» – вот и все ее комментарии. Урезанный до неприличия миф о чудесном возвращении колец оставил Габриеля равнодушным.

– Поздравляю, сестричка, ты всегда добиваешься своего, фамильные драгоценности снова при тебе, – вот и все его комментарии.

Но до кончины бабушки еще далеко. И Габриель – все еще мальчик, он стоит посреди улицы, пожирая глазами мизинец Кинтеро. Пожалуй, его кольцо ближе к обручальному: такое же гладкое, без камней и прочих излишеств. Нельзя сказать, чтобы его влияние на кожу Кинтеро было благодатным: в месте соприкосновения с кольцом она заметно позеленела. Зелень имеет неприятный оттенок, ее происхождение могла бы объяснить Мария-Христина, но Марии-Христины поблизости нет. А есть компания из четырех мальчишек, и Габриель страстно желает стать пятым в ней.

– Привет, – говорит он, набравшись храбрости. – Что вы решили?

Вместо ответа Кинтеро, под одобрительные улыбки остальных, толкает Габриеля в грудь.

Бедняга Габриель, он совсем не ожидал такого подвоха, такого откровенного вероломства. И – если бы речь не шла о том, чтобы *стать пятым*, – он ни за что бы не удержался на ногах. Нет, не-ет, Габриеля не проведешь, что-то подсказывает ему: падать нельзя. Падать нельзя, как нельзя каким-нибудь иным способом выказать слабость; происходящее – всего лишь тест, испытание на прочность. И если уж всемогущее солнце решило отметить тебя — сопротивляйся, недоумок!

До сегодняшнего дня Габриель понятия не имел, что значит драться. Он не заработал ни одного синяка, не заслужил ни одной царапины: типичная история вялого и жидкого в коленках домашнего животного – сигары и старые цирковые плакаты относятся к нему снисходительно, а словесные баталии с Марией-Христиной рваных ран не оставляют. Теперь, после удара Кинтеро и еще нескольких ударов, последовавших за первым, Габриель чувствует странную ломоту в груди, странное стеснение. Сравнить происходящее в грудной клетке абсолютно не с чем, но он смутно подозревает: так, должно быть, выглядит боль, о которой все говорят, к месту и не к месту. «У меня постоянно болит сердце» (отец о своих проблемах со здоровьем), «мне больно видеть, во что ты себя превратил» (мама об отце), «она больная на всю голову» (Мария-Христина о тетке-Соледад), «не хватало еще заболеть в такую-то ветреную весну» (бабушка). Вот наконец и у Габриеля появилось свое собственное представление о боли:

боль – вещь до крайности неприятная

от нее перехватывает дыхание, и слезы наворачиваются на глаза

от нее хочется кричать

от нее хочется избавиться – и чем скорее, тем лучше.

Но избавиться от боли означало бы избавиться от Кинтеро, а он-таки сумел повалить Габриеля на землю – не без помощи Мончо и Начо, конечно. Саданув Габриеля под коленки и совершив таким образом свое подлое дело, они отступили. И спокойно наблюдают, как Кинтеро мнет в руках лицо противника, как тычет кулаком ему в нос и ухо, как закрывает рот ладонью. Солирует мизинец с кольцом – и оттого во рту Габриеля появляется привкус металла, призванный оттенить еще один привкус —

крови.

О крови в семье Габриеля не говорит никто.

«Занятно, – отстраненно думает он, – занятные ощущения, и не то чтобы очень неприятные, сопротивляйся, недоумок!»

– Ну?! Все еще хочешь быть с нами? – выдыхает Кинтеро.

Габриель молчит.

Во-первых, из-за кольца. Задняя его стенка нахально протиснулась между губами Габриеля и давит на зубы. Зубы – этот последний оборонительный рубеж – скрипят и потрескивают, как ворота готовой пасть крепости, и Габриель тут же представляет себя стоящим у ворот, в сверкающих латах и со щитом в руках. И латы, и щит выкованы из металла гораздо более благородного, чем кольцо Кинтеро.

Даже если рыцарю Габриелю суждено погибнуть – он погибнет непобежденным, *сопротивляйся, недоумок!*..

– Все еще хочешь?! Все еще хочешь?!.. – без устали лает за воротами варвар Кинтеро.

Между рыцарем и варваром – масса различий. Одно из них состоит в том, что варвару приходится надеяться только на себя. В то время как к рыцарю (в самых крайних случаях и невесть откуда) может прийти спасение. В виде обладающего волшебной силой артефакта. В виде оседланного, стоящего под всеми парами животного (то ли дракона, то ли единорога). В виде магического оружия – меча по имени *Эскалибур*, к примеру. Вот и сейчас, совершенно инстинктивно, Габриель нащупывает то, что могло бы ему помочь. Конечно, это не *Эскалибур*.

Но что-то очень близкое к нему.

Сигара отца, запаянная в металлический туб. Она должна была стать даром, принесенным Габриелем на алтарь будущей великой дружбы. И не его вина, что дар отвергнут, и что он, Габриель, лежит сейчас, пригвожденный к мостовой, с привкусом крови и металла во рту. *Самое время действовать, недоумок и великий рыцарь*, мысленно подбадривает себя Габриель и, извернувшись и вытащив из кармана сигару, сует ее под ребра Кинтеро. Удары в исполнении Габриеля неожиданно методичны и упорядочены, и с каждым разом становятся все сильнее.

Не такие уж они венценозные – ребра Кинтеро, и уж точно ненамного прочнее Габриелевых зубов. Скрип и треск – те же.

Поначалу Кинтеро еще старается держаться (слишком много вокруг заинтересованных в его победе зрителей), но хватает его ненадолго. Короткий всхлип, поскуливание, а затем и вой возвещают о преимуществе рыцаря над варваром. И оно могло бы стать неоспоримым, если бы Кинтеро не обхватил рукой голову Габриеля и не приблизил свои губы к его уху.

– Хватит, – шепот Кинтеро полон мольбы. – Хватит, слышишь...

Под латами из благородного металла не может не биться благородное сердце, и Габриель тотчас же прекращает атаку. Но не только в благородстве дело – шепот поверженного противника пьянит Габриеля. Шепот – тоже дар. Посильный вклад Кинтеро в обустройство алтаря будущей великой дружбы.

– Я хочу быть с вами, – шепчет в ответ Габриель.

– Хорошо. Хорошо...

* * *

Ценность дружбы в исполнении Кинтеро явно преувеличена.

К тому же Кинтеро постоянно вымогает у Габриеля деньги на покупку сигарет: бесценная сигара **MONTECRISTO** не вызвала в нем никакого энтузиазма. После нескольких глубоких затяжек на висках Кинтеро проступил пот, а лицо позеленело. То же произошло с Мончо и Начо, а малыша Осито – так просто вырвало. И Габриель попробовал затянуться, и все прошло на удивление гладко, и отдающий пылью сигарный дым ему понравился, но дальше... Дальше он не пошел, ограничился тремя вдохами-выдохами (ровно столько сделал Кинтеро) – пойти дальше означало бы показать свое превосходство над *Главным в компании*.

А никто не потерпит превосходства только-только появившегося на горизонте чужака, даже неважно соображающий малыш Осито. Что уж говорить об остальных?

И о самом Габриеле тоже – ведь он прирожденный миротворец и конформист.

Впоследствии эти качества разовьются в нем сверх всякой меры, приобретут блеск и законченность; и почти болезненное пристрастие к сигарам и сигарному дыму останется навсегда. А малыш Осито умрет, едва дожив до семнадцати. Всеми виной окажется пуля полицейского, застрявшая в круглой голове медвежонка. Пуля не была такой уж случайной – с мелкими уличными наркодилерами время от времени случаются подобные неприятности.

Но пока медвежонок жив-здоров и блюет в сторонке.

На его фоне кто угодно может показаться героем – оттого-то все с удовольствием подтрунивают и смеются над Осито, маскируя свое собственное минутное недомогание. Не смеется лишь исполненный сочувствия Габриель – он помнит, чем обязан малышу.

– Дерьмо твоя сигара, – выносит вердикт Кинтеро. – Давай-ка ее сюда.

Сигара снова переключивается в его руки – для того чтобы быть брошенной на землю и раздавленной безжалостным каблуком. Алюминиевый туб (все, что осталось от **MONTECRISTO**) Кинтеро забирает себе в качестве трофея. Чувство, которое испытывает при этом Габриель, трудно описать. Наверное, это все-таки боль, ведь

от нее перехватывает дыхание, и слезы наворачиваются на глаза

от нее хочется кричать

от нее хочется избавиться – и чем скорее, тем лучше.

«Не мешало бы заодно избавиться и от компаки, – малодушно подсказывает Габриелю шкурка от карманного мечтателя, сброшенная где-то у основания черепа, – ты выбрал не тех приятелей, совсем не тех». Габриель старается не обращать внимания на вопли шкурки, он ведь почти получил то, чего хотел, *дело сделано*.

...Вымогательство денег – ничто по сравнению с остальными проделками компании, куда отныне входит Габриель. Мелкие кражи в магазинах и уличных кафе (задача Габриеля – отвлекать внимание потенциальных жертв, он все еще выглядит *добропорядочным мальчиком*); кражи покрупнее – из квартир с неосмотрительно распахнутыми окнами или форточками – тут солирует малыш Осито, способный просочиться в любую щель.

Количество обчищенных карманов у прохожих навеселе исчислению не поддается.

Вся добыча, как правило, достается Кинтеро (при молчаливом попустительстве остальных) – и зачем, в таком случае, ему постоянно нужны деньги на сигареты?...

Ситуация проясняется в тот момент, когда Габриель и малыш Осито наблюдают за окном кухни в крошечном ресторанчике: окно приоткрыто, к нему приставлен стол с разделочными досками, а на столе стоит черная матерчатая сумка кого-то из obsługi.

– Америка, – говорит Осито, не сводя круглых глаз с сумки. – Мы хотим уехать в Америку.

– Кто это – «мы»?

– Я и Кинтеро. А еще Мончо и Начо.

Америка, надо же!.. Габриель никогда не думал об Америке, хотя знает, что она существует и что она очень далеко. Много дальше, чем Северный полюс, на котором живут пингины. Добраться до Америки – все равно что слетать на Луну, а на Луну летали лишь единицы. И то – это были взрослые, хорошо подготовленные люди.

Осито и Кинтеро, а также Мончо и Начо чрезмерно обольщаются на свой счет.

– И каким образом вы доберетесь до Америки?

– Сядем на пароход, – тут же следует ответ. – В порту полно пароходов, и все они плывут в Америку.

– Так-таки и все?

– Конечно. Куда же еще плыть пароходам, как не в Америку?

Габриель мог бы поспорить с невежественным медвежонком, но, как обычно, предпочитает согласиться.

– И что же вы будете делать в Америке?

– Грабить банки. – Осито расплывается в мечтательной улыбке. – Что же еще делать в Америке, как не грабить банки? В Америке полно денег, а значит – полно банков...

– И вы будете их грабить?

– Будем, не сомневайся. А еще в Америке есть ковбои и индейцы, хорошо бы задружиться и с ними. Они подарят нам лук и стрелы и еще ружье...

– Чтобы грабить банки?

- Ну-у... да.
- Одного ружья маловато.

Малыш Осито куксится в недовольной гримасе: судя по всему, «ковбои и индейцы» – его собственная, персональная мечта, не до конца продуманная в силу возраста. Габриелю не составило бы труда посмеяться над ней и разбить ее в пух и прах, но он не делает этого. Он помнит, чем обязан малышу.

- ...Еще у нас будут автоматы, вот так!
- Автоматы – совсем другое дело.
- А еще – черные костюмы и белые шляпы.
- Потрясно.
- Мы будем пить виски.
- Ух, ты!

Действительно, «ух, ты!», но при этом – ни слова про сигары. А ведь Габриель видел с десяток американских фильмов, где фигурировали черные костюмы, и белые шляпы, и автоматы, и виски. Сигары там тоже были, едва ли не в каждом кадре. Должно быть, те же фильмы видел и Кинтеро и, как мог, пересказал их друзьям. Опустив при этом злосчастных соплеменников **MONTECRISTO**. И не всегда счастливый, заляпанный кровью финал.

- ...Мы будем играть в казино и выиграем миллион долларов.
- Думаю, вы выиграете больше.
- Э-э?...

Медвежонок по-настоящему растерян; как подозревает умник Габриель, все оттого, что «миллион долларов» – предельно допустимое значение, которое хоть как-то уложилось в неприспособленной для чисел голове Осито.

- Но миллион тоже хорошо...
- Еще бы не хорошо, —

кивает малыш и спустя секунду подталкивает Габриеля в бок: *смотри, смотри, вон он!..* «Он» – худой хмурый мужчина, в поварской куртке. Полы куртки замызганы сверх всякой возможности, каких только пятен и разводов на них нет! Преобладают все оттенки красного, неприятные и слегка пугающие; определенно, Габриелю хотелось бы, чтобы у матерчатой черной сумки был другой владелец.

- Вот он. – Медвежонок толкает Габриеля в бок. – Давай!..

Задача Габриеля не так уж сложна, всего-то и надо, что подойти к черному ходу и постучаться в дверь. А когда она откроется, и человек в куртке появится на пороге, задать ему вопрос. Какой – не важно, главное, чтоб он не был совсем уж дурацким и чтоб человек подумал над ним хотя бы десять секунд. Этого времени вполне достаточно для юркого малыша: он вскарабкается на подоконник и стащит сумку с разделочного стола – *цан-царан*, вот она была и вот ее нет! а потом – надежда только на ноги, чем скорее Габриель с медвежонком уберутся с места преступления, тем будет лучше для всех.

За исключением бедолаги-повара, разумеется.

Габриель заранее жалеет его, жалость распространяется и на дубовую дверь, о которую колотятся костяшки пальцев. Грохот стоит такой, что даже мертвых поднял бы из могилы (выражение, подслушанное у Марии-Христины, она обожает подобные цветастые обороты) – почему тогда дверь не отворится?... Все так же стоя подле нее, Габриель оборачивается к малышу Осито: *ну, и что прикажешь делать теперь?*

«Стучись до последнего, – жестами показывает Осито, – он все равно отопрет, деться ему некуда».

И правда, спустя несколько мгновений дверь распаивается, и на пороге возникает повар. Вблизи он еще неприятнее, чем казался издали, еще худее и выглядит еще более хмурым. От него пахнет едой, но не той, которую уплетают за обе щеки, —

невкусной.

Давно испортившейся.

Отбросы, сгнившие овощи, заплесневелые корки, сырое мясо – вот именно: запах сырого мяса доминирует. И странным образом сочетается с пятнами на куртке. *Этот человек – мясник*, решает про себя Габриель, ничего отталкивающего в этой профессии нет. Совсем напротив, его единственный знакомый мясник, сеньор Молина, каждую неделю оставляет для мамы килограмм самой лучшей вырезки, постоянно и с видимым удовольствием улыбается и недавно подарил Габриелю игрушечный паровозик.

От человека в куртке игрушки не дождешься.

Улыбки, впрочем, тоже.

Губы человека сведены намертво, склеены, цементированы каким-то жутким раствором. Близко посаженные глаза, всклокоченные волосы, запавшие щеки и неопрятная, растущая островками щетина дополняют картину. Меньше всего Габриелю хотелось бы вглядываться в это лицо, но он смотрит и смотрит, как загнивающий паровозик.

Человек в куртке отвечает Габриелю таким же пристальным взглядом: сначала исполненным ужаса, затем – просто обеспокоенным; затем – оценившим, что от хрупкого мальчугана не может исходить никакой опасности,

и сразу успокоившимся.

– Чего тебе?

Верхняя губа отделяется от нижней, образуя поначалу узкую щель. Через мгновение щель становится шире, еще шире, еще – как будто засевший во рту невидимый каменщик долбит и долбит долотом.

– Чего тебе, парень?

– Сеньор Молина, – голос не слышится Габриеля, бьется как птица в силках. – Мне нужен сеньор Молина...

– Нет здесь никакого Молины.

– Но...

– Ты ошибся, парень.

– Мне сказали, что он работает здесь...

Птице в силках приходится совсем туго, она вот-вот задохнется.

И умрет.

– Кем же он здесь работает?

Грязная поварская куртка – только прикрытие, *обманка*, подсказывает Габриелю не вовремя активизировавшееся воображение, а на самом деле этот человек – птицелов. Самый главный из всех птицеловов, самый азартный, самый злокозненный. Гроза всех птиц – от колибри до страуса, пощады от него не дождешься; силки, в которые угодила птица-Габриель, принадлежат ему. А под поварской курткой скрываются ножи и свежесрезанные веточки бука, ножи и свирели, ножи и дудочки, но прежде всего – ножи!..

– Кем же он здесь работает?!

– М-м-м-мясником, – с трудом выговаривает Габриель. – Он подарил мне игрушечный паровоз...

– А теперь ты пришел за вагонами?

– Н-нет...

– Значит, за целой железной дорогой?

Габриель не ощущает под ногами ничего, кроме пустоты, а все оттого, что ужасный повар-птицелов ухватил его за ворот и поднял над землей. И приблизил лицо Габриеля к своему собственному лицу: островки щетины безжизненны и занесены серым пеплом; глаза тоже кажутся безжизненными – и зачем только Габриель послушался дурачка-Осито, зачем постучался в эту проклятую дверь? Никогда больше он не побеспокоит стуком ни одну дверь —

НИ ОДНУ!

Даже если ему скажут, что за ней спрятаны все сокровища мира.

Так оно и окажется впоследствии, по прошествии многих лет: Габриель испытывает безотчетный страх перед неизвестными ему закрытыми дверями и чаще не входит в них, чем наоборот. Но пока еще он мальчик, а еще точнее – мальчик-птица, болтающаяся на руке Птицелова и ожидающая, *что именно* Птицелов вытащит из-под полы —

веточку бука, свирель или нож.

Ни то, ни другое, ни третье, а ожидание – хуже смерти и хуже боли (в тех ее интерпретациях, которые знакомы Габриелю). Положительно, он бы с удовольствием умер, но умереть – означает потерять контроль над собой и обмочиться. Стать посмешищем в отвратительно мокрых и дурнопахнущих штанах. Этого Габриель не может допустить ни при каких обстоятельствах. Как бы ни был страшен человек, держащий его за ворот, возможное презрение медвежонка, а следом за ним Мончо, Начо и венценосного Кинтеро – еще страшнее.

– Железная дорога, ага? – Птицелов обнажает десны, утыканные растущими вкривь и вкось зубами. – Тебе нужна железная дорога?

– Мне нужен сеньор Молина, – всхлипывает Габриель.

– Нет здесь никакого Молины. Ты ошибся, парень. Ты ошибся, ведь так?

Самый злокозненный из птицеловов почти умоляет Габриеля – ну надо же! И все теперь зависит от правильности ответа. Скажи Габриель «нет» – и он будет навечно погребен за металлическими прутьями клетки. Скажи «да» – и в прутьях волшебным образом возникнет отверстие, и можно будет выбраться на свободу.

Давай, Габриель, давай!..

– Да... Наверное, я ошибся. Это какое-то другое кафе.

– Точно. Дальше, по улице есть еще одно кафе. В двух кварталах отсюда.

– Значит, мне нужно именно то кафе.

– Значит, так.

Птицелов осторожно спускает Габриеля на землю, глаза и щетина тотчас же отдаляются, *отделяются*, уносятся ввысь.

– Ну, чего стоишь? Беги.

Габриель и рад бы побежать, но ноги не слушаются его. Запинаются друг о друга, трясутся. Все, что они могут изобразить, называется одним словом: «чечетка». Сходную по темпу чечетку отбивают зубы.

– Ну!.. —

Птицелов дергает огромным, распухшим от смеха кадыком, легонько ударяет Габриеля ладонью по лбу и присвистывает: лети, птенец!..

Через минуту Габриель уже далеко. Хоть и не в двух кварталах, где находится отрекомендованное Птицеловом кафе, но метрах в пятидесяти точно. Он выскочил из закутка с черным ходом и несется по улице. Единственная мечта Габриеля – свернуть за угол и исчезнуть из поля зрения Птицелова: вдруг ему придет в голову броситься в погоню, кто знает?

Вот и спасительный угол.

Нужно только не сбавлять скорость, бежать и бежать, что есть мочи, не обращая внимания на дыхание и посапыванье за спиной.

Кто-то преследует Габриеля, кто-то кричит ему «стой!», а потом – «подожди!», а потом, уже над самым ухом, – «что это с тобой?».

Малыш Осито.

Дыхалка у медвежонка сильнее, чем у Габриеля, он почти не запыхался. Не то что Габриель – тот-то как раз хватается ртом воздух, бьет себя руками по коленям и сплевывает тягучую, вязкую слюну.

– Что это с тобой? – повторяет вопрос медвежонок, слегка приподняв правую бровь. То, ради чего все затевалось и из-за чего Габриель претерпел столько страданий и чуть не умер, – черная матерчатая сумка – висит на согнутом локте Осито. Сумка не выглядит тяжелой, во всяком случае, медвежонок нисколько не напрягается, он сумел даже догнать совершенно свободного от вещей Габриеля.

– Со мной ничего. Со мной все в порядке.

– Что ж тогда так припустил?

– Видел бы ты того дядьку! Ты бы еще не так припустил.

– Струсил, да?

– Ничего не струсил. – Габриель всеми силами пытается отвести разговор от скользкой и неприятной темы *про трусость*. – Что там в сумке?

Малыш Осито пожимает плечами: он еще не заглядывал в сумку, хотя и без всяких заглядываний ясно, чего они там не найдут никогда. Миллиона долларов. Лука и стрел. Коллекции автоматического оружия для ограбления банков. Максимум, на что можно рассчитывать, – так это детали гангстерского туалета: черный костюм и, возможно, белая шляпа.

...В сумке и вправду оказываются тряпки.

Именно тряпки, ничего общего не имеющие со щегольской гангстерской одеждой: рубаша и майка. Ворот рубашки засален, рукава обтрепались; когда-то рубашка была белой, но от долгого ношения приобрела сероватый оттенок, и потом – пятна!.. Их не счесть, больших и помельче, и совсем крошечных, похожих на брызги: все они имеют бурый цвет. Несколько пятен того же цвета просматриваются на майке. Брезгливо задвинув тряпье в угол, медвежонок продолжает рыться в сумке и наконец извлекает на свет божий пухлый растрепанный блокнот. В блокноте нет живого места, он исписан едва ли не до последней страницы; исписан и испещрен мелкими рисунками – концентрические круги, звезды, продольные и поперечные полоски, в них нет ни малейшего смысла. Некоторые листы слиплись, некоторые заляпаны чем-то жирным. Осито немилосердно трясет блокнот в надежде обнаружить хотя бы одну заваливающую купюру – напрасно. Его единственный улов – бумажный прямоугольник с вытянувшимися в линейку буквами и цифрами.

– Что это за фигня? – спрашивает он у Габриеля.

Как и предполагал Габриель, медвежонок не умеет читать.

Прямоугольник переключивается в руки Габриеля и подвергается тщательному изучению.

– Это билет.

– В Америку?

– Это билет на поезд.

– В Америку? – Осито, ушибленный идеей Большого Ограбления Банков, никак не хочет успокоиться.

– В Америку не ходят поезда. Во всяком случае, отсюда.

– Тогда какой смысл в билете?

– Кто-то хочет уехать в Мадрид. Не позднее сегодняшнего вечера.

– Мадрид, фью-ю! Фью-фью! – Разочарованию медвежонок нет пределов. – Этот твой «кто-то» – самый настоящий дурак, раз ему понадобился Мадрид! Гори он огнем, этот твой «кто-то»! А я еще чуть шею себе не свернул, пока доставал эту сумку, вот зараза! Вот дерьмо!..

Так, причитая, злобствуя и морщась, малыш Осито еще раз перетряхивает внутренности (нащупать потайные карманы в матерчатых стенках не удалось). А Габриель думает о Птицелове. Птицелов и есть «кто-то», следовательно, – билет принадлежит ему. И все остальное тоже, включая блокнот.

Непрезентабельный блокнот влечет Габриеля почище какого-нибудь кошелька с деньгами. Почтище булочек с джемом и шоколадного печенья, которые так любит Осито. Почтище книги «Граф Монте-Кристо» или любой другой книги, ведь блокнот написан от руки! А зна-

чит, между Габриелем и Птицеловом нет никаких посредников в лице тех людей, что рисуют и клеят обложки, набирают и печатают тексты и вымарывают из них сомнительные (не исключено, что самые важные!) места.

Вот бы прочесть блокнот!..

– Ладно, пойдем, – говорит медвежонок.

– А сумка?

– Зачем нам сумка? Бросим ее здесь.

– А билет?

– Тоже бросим. Никому он не сдался.

Габриель колеблется.

– Ну, чего ты? Или сам хочешь отправиться в Мадрид?

Большие населенные пункты никогда не манили Габриеля – не то что сельвы, саванны, непроходимые джунгли и скалистые острова, о которых он постоянно читает в книжках. Теперь к книжкам прибавился таинственный блокнот, и Габриель хочет заполучить его во что бы то ни стало. Но пока блокнот находится в сфере притяжения черной сумки и тряпья. А еще стоящий над душой медвежонок!.. Габриель почти уверен, что следующая фраза медвежонка обязательно коснется блокнота и будет выглядеть следующим образом: *никому не сдались эти бумажки, бросим их здесь.*

Вывод: малыша Осито нужно отвлечь.

– Нет, я не хочу в Мадрид. – Вот он, отвлекающий маневр! – Я хочу с вами в Америку.

– Ага.

Глаза Осито туманятся, ресницы подрагивают, он весь во власти грез об Америке и о том, как он будет поливать свинцом служащих банка и отпирать бронированную дверь в хранилище.

– Не забудь сказать обо мне Кинтеро.

– Не забуду, непременно скажу. Идем отсюда.

– Идем, —

с легким сердцем говорит Габриель и улыбается тому, какой он ловкий, какой хитрый. Всего лишь на несколько мгновений нейтрализовал внимание Осито, и вот, пожалуйста, блокнот у него! Надежно спрятан под рубашкой и холодит тело.

Впоследствии изъятие блокнота будет расценено взрослым Габриелем как самая страшная ошибка, приведшая к катастрофическим последствиям. Лучше было бы никогда не сталкиваться с его содержимым, не читать из него ни строчки и уж тем более не предпринимать никаких действий, с блокнотом связанных. Изучение и расшифровка записей растянулись едва ли не на два десятка лет и включали в себя несколько подходов. Первый относится к описываемым событиям, и тогда мальчику Габриелю не удалось увидеть за неровными пляшущими буквами ни сельвы, ни саванны. Ни скалистых островов с птичьими базарами, а ведь все, что написано в блокноте, – написано Птицеловом. Единственная встреча с ним не продлилась и нескольких минут, но Птицелов сумел занять свое собственное место в душе Габриеля. Намного более важное, чем следовало бы, – и не последнюю роль в этом сыграл блокнот. И по мере того как записи (усилиями Габриеля) приобретали удобоваримую форму, распространялось и влияние Птицелова. А ведь начиналось все с камеры хранения: ножи, свежесрезанные веточки бука, свирели и дудочки (но прежде всего – ножи!) нашли приют в одной из ячеек Габриелевой души. Со временем ячеек понадобилось больше – надо же где-то хранить преступные мысли Птицелова и преступные деяния Птицелова, и его щетину, и его зацементированные, как воротца склепа, губы. О глазах за давностью лет ничего определенного сказать нельзя. О последующей судьбе – тоже. Почти два десятка лет Габриель надеялся, что Птицелов умер. К примеру, сразу после разговора с теткой-Соледад (случилось и такое, хотя поверить в это трудно). Другой вариант – скорая смерть Птицелова, наступившая в поезде, который шел в Мадрид. Его нашли мертвым в купе для некурящих – лучшего исхода не придумаешь! Был

ли он убит или сам свел счеты с жизнью – не так уж важно. *«Важно, что больше не будет ни преступных мыслей, ни преступных деяний»*, – так хочется думать Габриелю. Мысль об этом убаюкивает его, и все эти годы убаюкивала. Все эти годы Габриель покоился на мягкой перине из сложенных в стопку газет с криминальными новостями – на новости он ни разу не взглянул, опасаясь, что обнаружит там след Птицелова.

По той же причине он почти не смотрит телевизор, исключение составляют лишь несколько викторин, несколько аналитических программ по вопросам внешней политики и глупейшие ток-шоу с участием Марии-Христины.

Ах да, еще – передачи про животных и про то, как спасают животных. Они могли погибнуть, но остались живы.

А Птицелов мертв.

Лучше, намного лучше, намного спокойнее тешить себя надеждой, что он все-таки мертв.

Жаль только, что это ничего не меняет в их взаимоотношениях: Габриель вспоминает о Птицелове гораздо чаще, чем о других своих мертвецах. О маме, например, или об отце, или о бабушке, или о тетке-Соледад. Слава богу, что другая его тетка – Фэл – еще жива. Она звонит ему каждые два месяца, в последнюю субботу или последнее воскресенье. Разговор длится ровно пятнадцать минут (еще ни разу не было по-другому) и начинается с новостей о пульсаре в Крабовидной туманности и о рентгеновской двойной звезде V404 в созвездии Лебедя – всегда одних и тех же. Привычно пожаловавшись на синхротронное излучение, Фэл приступает к расспросам о личной жизни Габриеля: как поживают его девушки?

Прекрасно. Они поживают прекрасно.

Новости о девушках (подобно новостям о пульсарах и рентгеновских звездах) не менее постоянны.

– Не сомневаюсь, – воркует Фэл. – Ты ведь такой красавчик, такой донжуан. Только постарайся не разбивать им сердца, дорогой мой.

– Не волнуйся, я очень аккуратен с бьющимися предметами. Всегда запаковываю их в тройной слой бумаги.

– Я знаю, знаю. Может быть, ты приедешь ко мне? С одной из своих спутниц, самой хорошенькой... Я показала бы вам обсерваторию и много чего другого, и мы прекрасно провели бы время.

– Предложение заманчивое, но в ближайшие два месяца мне не вырваться. Только-только пошла торговля в магазине, и туристический сезон на носу... Может быть, это ты приедешь ко мне?

Габриель заранее знает ответ: Фэл не приедет в обозримом будущем, она ни за что не оставит без присмотра свои пульсары. И это прискорбно, ведь стареющая Фэл – самый близкий для Габриеля человек. Притом, что виделись они всего лишь несколько раз. Первый по времени относится к похоронам отца (Фэл провела в доме Габриеля четыре дня). Последний – к открытию магазина, чудесным образом совпавшему с краткосрочным отпуском Фэл. Фэл отдыхала в Португалии и изыскала-таки возможность заехать в родной Город Габриеля. Тогда-то она и вбила себе в голову, что Габриель – красавчик.

– В прошлый раз ты был ростом мне по грудь, – заявила она после приветственных объятий и поцелуев на перроне.

– А теперь – выше на целую голову.

– И ты, наверное, бреешься...

– Уже целых шесть лет.

– Да-да... Хорошо, что ты бреешься. Мужская щетина – это так неприятно. Она колется.

– У тебя есть кто-то, кто колется щетиной?

Никому другому всегда тактичный Габриель не посмел бы задать подобный вопрос. Но Фэл – можно, между ней и Габриелем нет трений и запретных тем: все запретные темы давно

обсуждены и классифицированы в длинных письмах, *долгих* письмах. Фэл – большая поклонница эпистолярного жанра, она приучила к нему и Габриеля. Как долго длится их переписка – сказать трудно, когда она началась – еще сложнее. Скорее всего, через весьма непродолжительное время после отъезда Фэл с похорон отца. Они расстались – тридцатилетняя одинокая женщина и десятилетний одинокий мальчик – с условием писать друг другу письма обо всем. Габриель до сих пор помнит начало своего самого первого послания:

«Здравствуй дорогая тетя Фэл я очень скучаю по тебе приезжай скорее в гости. Сможешь ли ты приехать в ближайшее воскресенье?»

Конечно же она не приехала – ни в ближайшее воскресенье, ни в ближайшие десять лет, – зато писала. Исправно и подробно, в каждом письме было не меньше двух страниц. А по мере того как Габриель вырос, конверты от Фэл становились все пухлее, и тем для обсуждений набиралось все больше. Философские взгляды Фэл на вселенную, человека, цены на бензин и цены вообще; взаимоотношения Фэл с коллегами по работе; лирические отступления о соседской кошке, о собаке, живущей в двух кварталах; о цветении жимолости, о дожде («какое счастье, что я забыла зонтик!»), о перистых и кучевых облаках.

И конечно же пульсары.

Всегда и везде – пульсары.

Формулы, которые Фэл, забывшись, время от времени воспроизводит в своих письмах, кажутся Габриелю цветущей жимолостью. Целой изгородью цветущей жимолости.

В письмах самого Габриеля намного меньше философствований и намного больше бытовых зарисовок из жизни – магазина, квартала и Города. Определенно, его письма густо заселены, вернее – *перенаселены* людьми. Что не всегда соответствует действительности. По словам Габриеля выходит, что у него отбоя нет от покупателей, друзей и девушек. И это тоже, мягко говоря, не совсем правда. В письмах к Фэл Габриель предстает таким, каким хотел бы быть: сердцеедом и донжуаном, острословом и душой компании, владельцем процветающего бизнеса и просто жутко симпатичным молодым человеком.

Отними у Габриеля письма к Фэл – что у него останется?

Только Мария-Христина с ее пренебрежением к не слишком удачливому младшему братцу. «Знаменитую писательницу» они с Фэл (по давно укоренившейся традиции) почти не обсуждают. А если обсуждают, то лишь в юмористических тонах. «Бездарная графоманка, – утверждает Фэл. – Зато ты, дорогой мой, вполне мог бы стать писателем».

Приличным писателем.

Большим писателем.

Фэл известно все о Габриеле. И о мире, Габриеля окружающем. Она знает, где в его магазинчике расположены альбомы по искусству, где – переводные остросюжетные романы в мягкой обложке, где – справочная литература и путеводители. Она знает, сколько ступенек ведет в подсобку при магазине: изредка, когда Габриелю не хочется возвращаться в свою маленькую квартирку, он ночует в подсобке. Фэл прекрасно известно, что вторая ступенька скрипит, а третья – поет, а все остальные – молчат как рыбы, ничем их не расшевелить. Фэл в курсе ассортимента соседних с магазином Габриеля лавок; она знает, с какой периодичностью в них моются окна и меняются выставленные на витрине товары. Какой крепости кофе варит себе Габриель; какие покупатели ему симпатичны, а каких он просто не выносит. На каждый Габриелев чих всегда донесется «будь здоров» – прямым из Крабовидной туманности, где витает его расчудесная тетка. Дискуссии о книгах и фильмах растягиваются на месяца, учитывая время доставки писем.

Да-да, Фэл не признает электронную почту, на которую давно перешел весь цивилизованный мир. Она предпочитает писать письма от руки и клеить марки на конверт – «так теплее, так человечнее».

Фэл права.

Единственное, о чем она не знает и никогда не узнает, – дневник Птицелова.

Странно, что Габриель не рассказал о Птицелове, когда был ребенком. И позже, когда превратился в подростка. Юношу. Молодого мужчину. Логического объяснения, почему он не сделал этого, не находится. Не сделал – и все тут. А по прошествии двух десятков лет возвращаться к Птицелову было бы и вовсе глупо.

И потом – сболтнув Фэл о Птицелове, пришлось бы откровенничать и о его дневнике. И Фэл бы страшно расстроилась. Она была бы потрясена, уничтожена, раздавлена. Она не нашла бы успокоения даже в окрестностях рентгеновской двойной звезды V404 в созвездии Лебедя. К тому же Фэл уже немолода (совсем скоро ей исполнится пятьдесят), и у нее стали возникать проблемы со здоровьем.

Тахикардия, боль в суставах и пигментный ретинит.

Фэл не жалуется, упоминает о своих болезнях вскользь и обещает переехать к Габриелю, когда совсем постареет и ослабнет, «не волнуйся, это еще как минимум лет двадцать, дорогой мой». Исходя из предшествующего опыта Габриеля – двадцать лет не так уж много. Почти завтра, в крайнем случае – послезавтра. И (в случае непосредственного контакта с теткой) скрыть присутствие Птицелова в своей жизни Габриелю не удастся.

Это практически невозможно уже сейчас. Птицелов отвоевывает все новые пространства, заполняет все новые лакуны, а ведь еще десятилетие назад (до полной расшифровки дневника) он не был таким навязчивым.

Десять лет назад он последний раз видел Фэл. За год до очередной смерти, на этот раз – мамы. Габриель во всех подробностях помнит встречу с Фэл на вокзале, объятия, поцелуи, астральный лепет о том, какой он красивый, и о том, что в мужской щетине нет ничего хорошего, «она колется».

– ...У тебя есть кто-то, кто колется щетиной? Мужчина твоей жизни, да? Наконец-то! Но ты ничего не писала о нем...

– Не глупи, дорогой мой. Мужчина моей жизни – это ты!

– Ты говоришь неправду.

Говорить неправду в сорок лет (на вокзале Габриель встретил Фэл сорокалетней) намного проще, чем в десять, чем в двадцать. Неправде легко скрыться за складками появившихся морщин. Неправда разлита в едва заметных углублениях, отделяющих один прожитый день от другого; размазана по месяцам и неделям, подобно маслу на хлебе. Чем больше недель, месяцев, лет – тем тоньше слой. Незаметнее.

– Ну хорошо. Я сказала неправду. Совсем недавно на моем горизонте появился один...

– Один парень? Он твой коллега по работе? Или владелец того пса, что живет в двух кварталах от тебя?

– Когда я говорю о горизонте, – Фэл смеется и упирается ладонями в грудь Габриеля, – я имею в виду только *горизонт событий*. Соображай...

«Горизонт событий». Это как-то связано с работой Фэл, с ее радиоастрономическими бдениями. Термин «горизонт событий» относится к черным дырам, которыми Фэл увлеклась в последнее время. Она даже написала небольшую статью о них для одной электронной энциклопедии. Увлечение Фэл нельзя расценивать как предательство по отношению к делу ее жизни – пульсарам. Пульсары – нейтронные звезды – черные дыры, во Вселенной все взаимосвязано.

– Черные дыры, да, Фэл?

– Точно. Одна из них предположительно находится в созвездии Змееносца. Она-то и занимает меня больше всего. Следовательно, и Змееносец занимает. Можешь считать его моей последней большой любовью.

В этом – вся Фэл. Понять, что она думает, – не о вселенной, не о кучевых облаках, не о жимолости в цвету, а о самой обыкновенной, простецкой любви между мужчиной и женщиной, невозможно. Габриель не знает даже, была ли она когда-нибудь близка с мужчинами.

Фэл не слишком-то красива.

Совсем некрасива. Ее огромный лоб стал еще выше, а волосы потускнели. В угловатой фигуре – ни капли женственности. И на ногах – все те же кожаные ботинки, в которых она была на похоронах отца. Так, по крайней мере, кажется Габриелю.

– Я постарела? – простодушно спрашивает Фэл.

– Нисколько.

– Стала еще уродливей?

– Ты прекрасна.

В контексте тотальной некрасивости Фэл эту фразу можно считать оскорблением, но она не обижается на Габриеля, лишь легонько ударяет его пальцами по губам.

– Ты – дамский угодник! И ты невыносим.

– А ты прекрасна, —

продолжает настаивать Габриель. Сердце его сжимается, и на глаза наворачиваются слезы. —

Я люблю тебя.

Слишком смело для людей, которые видятся второй раз в жизни, пусть они и родственники, но Габриель чувствует именно это: любовь. И еще нежность. К женщине, чьи письма не оставляли его ни на день, чьи письма были свидетелями его взросления и поддерживали его в одиночестве, утешали и развлекали, заставляли верить, что жизнь, несмотря ни на что, – забавная штука. Письма Фэл – ох уж эти письма!.. Написанные стремительным, четким и ровным почерком, они – единственные – составляют альтернативу вязким и сумеречным шрифтам Птицелова, не дают Габриелю зарыться в эти хляби окончательно.

В первое десятилетие Фэл явно побеждает.

Габриель испытывает к ней любовь еще и поэтому.

– Я люблю тебя, – шепчет Габриель и, что есть силы, стискивает в руках тщедушное теткинo тело. – Как хорошо, что ты приехала!

– Эй, полегче, племянничек, ты меня раздавишь!

– Прости.

Габриель отстраняется, и Фэл отстраняется тоже, пристально рассматривает его, ощупывает глазами и щелкает языком:

– Нет, ты совсем-совсем взрослый. Невероятно!

– Всего лишь естественное течение жизни. Ничего невероятного.

– Если бы я встретила тебя просто так... случайно... где-нибудь на улице... Ни за что бы не узнала! Просто подумала бы: «Какой красавчик! наверное, у него отбоя нет от девушек».

– Ты преувеличиваешь. Никакой я не красавчик.

– Со стороны виднее.

Багаж Фэл состоит из маленького чемодана и пляжной матерчатой сумки с бамбуковыми ручками. Вывод, который напрашивается сам собой: *Фэл приехала ненадолго*, но Габриелю совсем не хочется думать об этом.

– Ну что, едем к нам?

– Нет, – неожиданно отвечает Фэл. – Я забронировала гостиницу, отвезешь меня туда?

– Зачем? – Габриель огорчен и растерян. – В доме полно места, и я приготовил комнату для тебя. Ту самую, в которой ты жила в прошлый свой приезд. Кабинет, где полно пластинок, помнишь?... И потом – мама. Она знает, что ты в Городе, и расстроится, если я вернусь без тебя.

– Ничего не расстроится. Она меня терпеть не может.

– Это совсем не так...

– Это так. И мы оба прекрасно знаем, что это так. И давай не будем создавать неприятных ситуаций – ни для нее, ни для меня.

Габриель подхватывает чемодан и направляется в сторону вокзала, Фэл едва поспевает за ним.

– Не сердись. Я просто хочу, чтобы все устроилось самым лучшим образом.

Фэл права, нельзя закрывать глаза на существующее положение вещей: мать Габриеля терпеть не может свою золовку, корни этой неприязни неясны. Быть может, все дело в странной, по мнению матери, профессии Фэл («корчит из себя жрицу науки, тоже мне, лучше бы детей рожала!»), в ее одиночестве, незамужнем статусе и небрежении к мужчинам; в родстве с покойным мужем, а жизнь с ним была не сахар. Но главная составляющая неприязни – банальная материнская ревность.

Мать ревнует Габриеля к делящейся годами переписке с Фэл.

«**Что ты там строчишь все время? лучше бы уроками занялся!**» – говорила мать, когда Габриелю было двенадцать.

«**Ничему хорошему она тебя не научит**», – говорила мать, когда Габриелю исполнилось четырнадцать.

«**А если научит, то только всяким извращениям и гнусностям, где ты прячешь эти грязные листки, ну, покажи, хоть один!**», – говорила мать пятнадцатилетнему Габриелю. Пассажи о гнусностях – творчески переработанное наследие неистовой Соледад, в исполнении матери они выглядят не слишком убедительно.

Ни единой страницы так и не попало в чужие руки – если Габриель чему-нибудь и научился в жизни, так это хранить эпистолярные тайны, спасибо Птицелову, спасибо Фэл. И бедная, бедная мама!.. Она отошла в мир иной в твердой уверенности, что благодаря подметным усилиям золовки Габриель пошел вовсе не по тому пути, по которому должен идти настоящий мужчина.

Он – еще мягче своего безвольного отца, еще мечтательнее.

И что это за работа – содержать убыточную книжную лавку, целыми днями дышать пылью и выковыривать жуков-древоточцев из складок одежды.

Бедная, бедная мама!

Она умрет внезапно, во сне. «Остановка сердца», констатируют врачи, может ли совершенно здоровое сердце взять и остановиться? Мама никогда не жаловалась на боли (не то, что отец), но умерла, как и он, – от сердечной недостаточности.

– Это не сердце, это одиночество и непонимание, – заявила Габриелю Мария-Христина. – С тобой она была одинока, и ты не проявлял в ней никакого участия, недоумок. Если бы я была рядом, ничего подобного не случилось бы...

Если бы ты была рядом, мог бы сказать Габриель, но ты не была рядом. Ты умотала из дома в восемнадцать, не звонила и не писала месяцами, забывала поздравить маму с Рождеством и днем рождения, а если и появлялась, то только затем, чтобы вытянуть из нее бабло на свои прихоти. И после этого ты говоришь об участии?...

Он мог бы сказать это. Но не сказал.

Фэл не приехала на похороны, зато прислала немного денег и приглашение пожить у нее.

«Спасибо, – ответил Габриель, – напрасно ты выслала деньги, но все равно спасибо. И за приглашение тоже спасибо. Ты же знаешь, я не могу оставить магазин, даже ненадолго. Кто будет заниматься книгами? Без меня они захиреют и зачахнут, ты сама говорила об этом год назад...»

...когда с вокзала они отправились не в гостиницу, а в магазин. Ведь Фэл и приехала для того, чтобы своими глазами взглянуть на магазин Габриеля. Без Фэл, без ее доброй воли, ни о какой книжной торговле нельзя было и помыслить. Тридцатиметровое помещение плюс подсобка (еще восемь метров) – в равных долях принадлежали Фэл и ее покойному брату. После его смерти Фэл оказалась единственной наследницей, но зачем ей *тридцать восемь квадратов* в другом городе, в другой стране? Так и возникло решение сделать их владельцем

Габриеля, «это подарок, дорогой мой. Совсем крохотный, учитывая все то, что ты сделал для меня».

– Но что я сделал для тебя, Фэл?

– Твои письма. Я счастлива, когда они приходят. Я чувствую себя такой живой...

– Совершенно необязательно, Фэл... Я писал тебе, потому что... Ты и сама знаешь почему.

– Все останется по-прежнему?

– Конечно.

– Даже теперь, когда ты совсем взрослый и у тебя своя жизнь?

– Даже теперь.

В витрине выставлены большие альбомы с фотографиями, перед которыми просто невозможно устоять: виды животного и растительного мира, светящиеся тела небоскребов, мосты, автомобили, оружие – холодное и огнестрельное, ювелирные украшения.

– Это для того, чтобы привлечь потенциальных покупателей, – объясняет Габриель.

– Разумно.

Самые ходовые, по мнению Габриеля, издания – на уровне глаз.

– Я бы поставила сюда еще и триллеры с ужастиками. Людям почему-то нравятся ужастики, всякие там зомби и живые мертвецы. Кошмар!

– Зомби и есть живые мертвецы. Но ты права, это действительно кошмар.

– Не забудь про комиксы.

– Уже закупил двадцать разных наименований.

– А мой любимый Том Шарп?

Том Шарп – смешной английский писатель, Фэл потешается над его текстами полгода, она скормила их и Габриелю, чтобы тот по достоинству оценил специфический британский юмор.

– Он здесь, смотри. В твердом и мягком переплете и даже в суперобложке. Есть на немецком языке, если сюда заглянут немцы.

– А если заглянут французы?

– Французский перевод тоже имеется. Не волнуйся, ни один француз не уйдет без Тома Шарпа.

– Французы – крепкие орешки, – смеется Фэл.

– Ничего, я их расколю. Раз-раз, и готово. У меня есть свои соображения, как раскалывать французов.

– Ты мне расскажешь?

– Обязательно.

Подарочная полка, приготовленная и оформленная специально для Фэл: «Популярная астрономия», «Релятивистская астрофизика», каталог нейтронных звезд, нобелевская речь Энтони Хьюиша⁴, ротапринтное издание «Системы мира» Лапласа; брошюра «Что мы знаем о Магеллановых Облаках?», «Теория внутреннего строения и эволюции звезд» в трех томах, коллекционный сборник снимков, сделанных телескопом *Kieuyen VLT* Европейской южной обсерватории в Чили (Фэл стажировалась там на заре туманной юности).

Kieuyen VLT! – она так растрогана, что едва не плачет.

– Потрясающе, дорогой мой! Скажи, ты сделал это для меня?

– Ну... не то чтобы только для тебя. Люди до сих пор интересуются звездами.

– Правда?

– Представь себе.

– Пожалуй, я куплю у тебя фотоальбом. И нобелевскую речь Хьюиша.

⁴ Э. Хьюиш – английский радиоастроном.

– Зачем тебе чья-то нобелевская речь? Впору подумать о своей собственной. Я верю, что тебе придется произнести ее, рано или поздно.

– Лыстец! – Фэл треплет Габриеля по затылку. – Я не настолько значимая величина в науке.

– Значимая, очень значимая. Для твоего глупого племянника – уж точно.

– И вовсе ты не глупый. И магазин у тебя получился замечательный. Очень уютный. Поверить не могу, что это тот самый малыш Габриель, которого я безбожно отшлепала когда-то! Помнишь?...

Еще бы он не помнил!

...Священник, в чей рот залетела пчела; остальные насекомые, ринувшиеся в щели гроба, чтобы успеть на уходящий поезд. Это воображение подсуло Габриелю сказочку про поезд, на котором отец отправится в небытие, *до свидания, папа, счастливого пути!*..

Счастливого пути!

Вот что сделал тогда Габриель: помахал рукой комьям земли, падающим на гроб. И улыбнулся.

Когда все было кончено, они потянулись к центральной аллее кладбища: мама впереди, Мария-Христина с *темной лошадкой* Хавьером – следом, а диковинная тетушка Фэл и вовсе пропала куда-то. Габриель позабыл думать о ней, сосредоточившись на мыслях про пластинки, старые цирковые плакаты и сигары, что теперь будет с ними? Никому они не нужны – мама не любит цирк, а Мария-Христина всегда называла пластинки *старьем и никчемным хламом, кто теперь помнит какого-то Марио Ланца, кто возбудится на какую-то Марию Каллас?...*

Наибольшая опасность угрожает сигарам – их может заграбастать Хавьер, подговорить влюбленную Марию-Христину и заграбастать – все до единой, нужно придумать план по спасению сигар. Прямо сейчас, невзирая на жару и на грустное место под названием «кладбище».

Придумать ничего путного Габриель так и не успел: кто-то сильным ударом сшиб его с ног, а потом подхватил за ворот рубахи и хорошенько встряхнул.

– Ты маленькая сволочь, – услышал он над самым ухом. – Бездушная маленькая сволочь!

– Пусти, – сказал Габриель, едва сдерживая слезы обиды и негодования. – Дура!

«Дура» относилась к новоявленной родственнице-*радиоастроному-или-как-там-еще*, ведь это она, чертова родственница, распустила руки и унизила Габриеля.

– Сам ты дурак, – ответила тетка в стиле малыша Осито. – Я видела, как ты улыбался, когда хоронили твоего отца, разве можно быть такой канальей?

– Я не улыбался.

– Улыбался. Маленький, а врешь. Изворачиваешься. За что только он любил тебя?

– Кто?

– Твой папа.

Несмотря на жару, только что перенесенное унижение и присутствие *совершенно посторонней* женщины, Габриель добросовестно пытается вспомнить – любил ли его отец? Отец был тихим и предупредительным, никогда не повышал голоса, постоянно курил и так же постоянно жаловался на сердце и хрипы в легких. Наверное, он был нежным по отношению к маме и Марии-Христине, но это – необременительная нежность, она не требует никаких затрат, всего-то и надо, что вовремя сотрясти воздух. В случае с Габриелем – все то же самое, воздух едва слышно колеблется:

– Как у тебя дела, мой мальчик?

– У меня все в порядке, папа.

– А твои друзья, они тебя не обижают?

– Нет, у меня хорошие друзья. Они не обижают, наоборот – заступаются.

– Это просто замечательно. Береги такую дружбу, сынок.

– Я берегу.

- Когда ты подрастешь, мы обязательно поговорим с тобой.
- О дружбе?
- О дружбе. И о многом другом.

Беседа исчерпана – на сегодняшний день. Завтра она будет такой же или почти такой, с незначительными вариациями. После минутного спича отец облегченно вздыхает и отправляется на свидание к своей истинной страсти – пластинкам, сигарам и старым цирковым плакатам. Свидание всегда проходит в комнате, которая называется «папин кабинет», за плотно закрытыми дверями. Габриелю (после того как он украл сигару **MONTECRISTO** и расколо-тил пластинку с ариями из «Травиаты») вход туда воспрещен.

Взгляд отца всегда блуждает – но не по людям и предметам, а по каким-то неведомым ландшафтам, спрятанным где-то глубоко внутри, за больными легкими и нездоровым сердцем. Проще назвать эти ландшафты воспоминаниями.

Воспоминания не имеют никакого отношения к любви – любви к Габриелю, во всяком случае. Оттого он и сказал Фэл, отряхивая сухие комки земли с коленей:

– Нисколько он меня не любил, мой папа.

Сказал и повернулся, побрел прочь.

– Эй, подожди! – В голосе оставленной теткой послышалось самое настоящее страдание. – Подожди, ты не прав!..

Габриель не остановился и не повернул голову даже тогда, когда она догнала его и пошла рядом.

– Извини меня, малыш. Не знаю, как это произошло... что я ударила тебя... Я просто очень, очень расстроена. Он был очень дорог мне, твой отец. И он был хорошим, поверь. Он очень тебя любил.

– Откуда ты знаешь? – Секунду назад Габриель дал себе слово не говорить с теткой и вот, пожалуйста, не выдержал.

– Я знаю.

– Ты никогда здесь не была, никогда не приезжала. А он никуда не уезжал. Так откуда ты знаешь?

– Он писал мне. Довольно часто. Мы переписывались много лет. Вот так.

Габриель ни разу не видел отца пишущим, так можно ли доверять словам свалившейся с неба тетки? К тому же он подслушал вчерашний разговор мамы и Марии-Христины, где сестра, явно недовольная приездом Фэл, солировала: *зачем она явилась сюда, эта английская сучка? Никогда не приезжала, а тут нагрязнула. Знаю я зачем – покопаться в вещах своего покойного брата и сунуть нос в завещание, вдруг ей что-то обломилось...*

Тетка Фэл – неприятная особа, и ее огромный лоб – тоже неприятная штукавина. Почему она пристаёт, почему не хочет оставить Габриеля в покое? И почему Габриель говорит с ней? Ему хочется побольше узнать об отце, пусть умершем, — вот почему.

И еще потому, что в Габриеле (против его воли) зреет симпатия к эксцентричной англичанке. Еще несколько минут назад ничего подобного не было – теперь же первые ростки пробивают землю. И в той части его души, что отныне будет отвечать за Фэл, возник зелененький веселый лужок.

Габриеля так и тянет поваляться на лужке, но... Он не должен поддаваться первому, еще неясному порыву, кто ее знает – эту Фэл? К тому же она ударила его!

Габриель – молодчина, попрыгав по пружинистой и прущей из всех щелей траве, он мысленно превращает лужок в теннисный корт и ловко закручивает подачу. Теперь теннисный мяч его мести летит Фэл прямо в лоб:

– Папа ничего не рассказывал о тебе, я даже не знал, что ты существуешь. Может, ты и сейчас не существуешь.

Взять такую подачу невозможно.

– Я существую, как видишь. Давай, потрогай меня! Ущипни, если захочешь. А то, что он ничего не говорил... думаю, он о многом тебе не говорил, ведь так?

Фэл оказалась намного проворнее, она не только вытащила безнадежный мяч, но и отправила его обратно. И теперь уже Габриель вынужден отбиваться:

– Он только собирался...

– Узнаю своего брата! Он все откладывал на будущее.

– Он зря это делал.

– Возможно. Но таков он был. Взрослых не переделать. Он писал мне, что ты – замечательный мальчишка. Умный. Рассудительный, а не какой-нибудь несносный шалун. Что из тебя выйдет толк и что он ждет не дождется, когда ты вырастешь.

– Зачем же было ждать?

– Затем, что он понятия не имел, как подступиться к маленьким людям. Он мог бы объяснить все на свете и только про детей не знал ничего.

Наверное, Фэл хорошо знакомы ландшафты, что жили в душе у отца; наверное, часть этих ландшафтов – общая. Габриель и сам не заметил, как, забыв про обиду, втянулся в разговор.

– Папа все время уходил – к своим книжкам. И к этим своим сигарам. Он любил их больше, чем нас всех.

– Если бы ты все знал – ты бы его извинил.

– Нет.

– Извинил, я в этом уверена... В юности он мечтал стать журналистом, ездить по разным странам. А однажды взял и уехал на Кубу и прожил там почти десять лет.

– Он работал там журналистом?

– Нет, – после небольшой паузы сказала Фэл. – Он работал там чтецом, прочел тысячу книг для торседорес.

Слово «чтец» ни капельки не заинтересовало Габриеля, не то что «торседорес».

– Что такое «торседорес»?

– На Кубе делают сигары, правильно?

Правильно. Большинство сигар, хранящихся в коллекции отца, – кубинские. И до самого недавнего времени, каждые три месяца, отец получал небольшие посылки с сигарами. Очевидно, посылки шли прямым путем с Кубы, а Габриель эту ценную информацию прохлопал.

– Я знаю, что на Кубе делают сигары...

– Самые лучшие из них – те, что ценятся по-настоящему и стоят немалых денег – сворачиваются вручную. И это делают торседорес.

– А-а... Крутильщики, да?

– Верно. Ручным производством занимаются целые фабрики... Представляешь, каково это: с утра до ночи сидеть за длинным столом и вертеть сигары.

Не хотел бы я быть торседорес и возиться с сигарами – с утра до ночи, брать в руки табачные листья и сворачивать – один, другой, третий. Наверняка, чтобы получилась сигара, нужен не один табачный лист, не просто табачный лист, но сути дела это не меняет.

– Ну, представляешь?

– Представляю. – Габриель зажмурился изо всех сил и скрючил пальцы. – Скука смертная.

– Вот именно – скука! – почему-то развеселилась Фэл. – А чтец как раз и призван бороться со скукой и монотонностью. Он читает вслух книги, чтобы рабочие не скучали.

– Так папа всего лишь читал книги?

– «Всего лишь»! – Фэл сжала руками лицо Габриеля, чтобы оно ненароком не расплылось в разочарованной улыбке. – Это очень почетная профессия, поверь. Выбрать такую книгу,

чтобы она всем понравилась, чтобы ее было интересно слушать! И читать нужно с выражением... О, он был настоящим актером, твой отец! Его потом даже приглашали в театр...

– В театр?

– Там, на Кубе. Или ты думаешь, что на Кубе нет театров?

– Ничего я не думаю...

Если Габриель о чем-то и думал, то только о том, как его ладонь оказалась в руке Фэл, – прохладной и успокаивающей. До сегодняшнего, не слишком радостного дня никто особенно не заморачивался судьбой ладоней Габриеля, а ведь это так приятно – ощущать прикосновения чужой кожи. Да нет, не чужой! Чужие относятся к тебе с равнодушием, хотят, чтобы ты побыстрее исчез с горизонта, а Фэл – не чужая. И кожа Фэл – страшно знакомая, ей все известно про ладонь Габриеля, и про линии на ней, и про маленький шрам между большим и указательным пальцем...

– Я бросался камнями в котенка, – неожиданно сказал Габриель.

– Это ужасно, – спустя долгую, очень долгую минуту произнесла Фэл, но руки не отняла.

– И он, кажется, умер...

– Ты точно знаешь это?

Еще бы Габриелю не знать!

Все из-за Америки, из-за того, что он распустил язык, чтобы отвлечь внимание Осито от дневника Птицелова. Никакого особого смысла в *я хочу с вами в Америку* Габриель не вкладывал, но медвежонок запомнил. И сказал об этом брату.

Все выяснилось на следующий же день, когда они встретились в пятером.

– Значит, хочешь с нами в Америку? – еще раз для верности поинтересовался Кинтеро.

– Да, – соврал Габриель, втайне надеясь, что американские перспективы – дело отдаленного будущего, которое может и не случиться.

– Мы кого попало не берем, и зря Осито проболтался... Ну, он за это уже получил...

– Я – не кто попало.

– Это еще надо доказать.

Габриель ничем не отличается от всех остальных мальчишек, от всех остальных людей: стоит только появиться тени запрета, как он тотчас же начинает страстно желать запретного, – хотя еще минуту назад ни о чем таком не помышлял.

– Разве я не делал все то, что нужно? Не помогал вам? Какие еще нужны доказательства?

– Идем...

...Это была окраина парка – достаточно глухая, тоскливая и неприятная.

Сюда редко забредают посетители, они предпочитают центральную часть с более-менее ухоженными дорожками; они вообще предпочитают другие парки. Те, что находятся в центре Города и ближе к морю; те, что полны туристов, мороженщиков, смотровых площадок, родителей с детьми и табличек, указывающих на тот или иной архитектурный памятник.

А от этой пыльной зелени и куска обвалившейся ограды ничего хорошего ждать не приходится.

Габриель и не ждал, он молча сидел между Кинтеро и медвежонком – Мончо и Начо куда-то исчезли. А когда появились, то несли в руках наглухо завязанный мешок: тот шевелился и мяукал, и сердце Габриеля на секунду замерло в недоумении, а потом забилось часто-часто.

– Это еще что такое? – спросил он у Кинтеро.

– Это? – Кинтеро сплюнул и ухмыльнулся. – Это твое испытание.

Когда они успели набрать столько камней?

Небольшая горка – перед медвежонком, чуть побольше – перед его братом, даже у вновь прибывших Мончо и Начо в руках по булыжнику.

– Давайте! —

командует Кинтеро, и Мончо становится единственным обладателем мешка. Отделившись от Начо, он подходит к ограде, присаживается возле нее на корточки и развязывает тугой узел.

Котенок.

Совсем малыш, темно-рыжий, с белой полоской вдоль спины, с белым пятнышком на груди, с белыми носками на передних лапах. Котенок щурится от внезапного яркого света, делает несколько шагов и заваливается на бок. *«Какой потешный»*, – думает Габриель, вот бы Мария-Христина обрадовалась! У его непробиваемой старшей сестры есть одна слабость (за исключением Хавьера) – такие вот кошки. Комната Марии-Христины переполнена кошками, они живут на обоях и портьерах, на наволочках и покрывале, *как пить дать – Мария-Христина была бы счастлива без меры.*

Котенку не место в мешке и не место у ограды.

Он замечательно устроился бы в комнате сестры, и блюдо с молоком его, несомненно бы, обрадовало.

– Ты с нами? – спрашивает Кинтеро.

– Конечно. – Габриель не понимает, к чему клонит Кинтеро, но, на всякий случай, произносит именно это слово.

Камень, пущенный Осито, падает рядом с темно-рыжим малышом, не задев его.

– Раззява! Косые руки!.. – Кинтеро совершенно наплевать, что котенок перепугался насмерть, жалобно открывает рот и пищит. – Теперь ты, Мончо!

Мончо много точнее, чем увалень Осито.

Его булыжник угодил малышу в живот, и малыш перевернулся в воздухе и отлетел к ограде.

Начо метнул камень без всякой команды и тоже попал в котенка.

Все происходит как в замедленной съемке: снова Осито, и снова Мончо, и опять Начо, два попадания из трех; неизвестно, что лучше – круглые тяжелые булыжники или острые маленькие камешки. Маленькие камешки могут поцарапать и ранить котенка, а булыжники наверняка повредят ему внутренности.

Котенок почти перестал двигаться, он больше не пищит – вместо него попискивает Габриель: попискивает, всхлипывает и закрывает лицо руками. Белые шляпы, черные костюмы, фишки из казино, которые можно обменять на миллион, – все это не имеет никакой ценности для Габриеля. Он должен поставить в известность Кинтеро. Сейчас же, пока не случилось самое ужасное.

Сейчас же.

Сейчас.

Только что делать с языком, закатившимся в горло?

– Твоя очередь!..

Совершенно непонятно, кто вложил в руку Габриеля камень: кто-то из тех, кто мечтает о Большом Ограблении Банков, но только не Кинтеро.

Кинтеро, как обычно, раздает команды. Ничуть не изменившимся ровным голосом.

Сволочь.

– Твоя очередь, слабак! Ну!..

Камень сидит в пальцах, как приклеенный. Чтобы избавиться от него, стряхнуть с рук, нужны определенные усилия. Кажется, у него получилось!..

Но Габриель радуется недолго – ровно до той секунды, когда камень снова опускают ему на ладонь: это сделал дурак Мончо. А дурак Начо больно толкнул его в плечо. А дурак Осито наступил на ногу. И только Кинтеро ничего не предпринимает, он —

самый умный из всех.

– Ты как будто не хочешь напрячься? – ласково спрашивает Кинтеро у Габриеля.

– Отпустите меня, – шепчет Габриель.
– Смотрите-ка, он расклеился, – в голосе Кинтеро слышны торжествующие нотки: «ну, что я вам говорил!»

– Разнюнился! – подхватывает Мончо.

– Распустил сопли, дерьмовая башка! – подхватывает Начо.

Осито давит на ногу Габриеля сильнее и сильнее.

– Давай, сделай это!..

Давай, давай, давай!.. – гулом отдается в голове.

– Если не сделаешь – придется тебя убить. Такие у нас правила. Кто не с нами – не проживет и дня. Кто не с нами – пусть сушит кишки на солнце.

Вряд ли Кинтеро сам придумал столь напыщенную фразу. Подобные фразы выпускают на волю плохие парни из американских фильмов – и впору ответить ему такой же, подслушанной. Габриель заучил их не меньше десятка, и все они принадлежат не плохим, а хорошим парням, а хорошие парни всегда побеждают.

Он не может вспомнить ничего подходящего случаю.

Это из-за котенка, его тельце темнеет у ограды, и непонятно – жив он или нет. Это из-за котенка, из-за жалости к нему; от жалости голова Габриеля распухла и вот-вот треснет, она отказывается соображать. И лишь одна мысль перекачивается в ней, как засохшее семечко в тыкве, – что если Кинтеро и вправду приведет угрозу в исполнение?

Что если котенку уже не помочь, и Габриель пострадает напрасно?

Обмануть Кинтеро.

Не такой уж он крутой, он и книжек не читал, а Габриель – читал, и он не в пример умнее щербатой гадины, так неужели у него не получится обмануть Кинтеро?

Получится, еще как.

Всего-то и надо, что бросить камень. Размахнуться и бросить, но не в темно-рыжего пушистого малыша, а в сторону ограды. Ничего страшного в этом нет, вот и Осито не попал в котенка ни разу, – а старался. Габриель не будет стараться, он даже глаза закрывает, а руку отведет подальше, пустит камень в небо, в белый свет, —

и все разом закончится.

Это – хорошая мысль. *Счастливая*, хоть и похожа на семечко в тыкве, еще одно. Один плюс один – будет два, их двое – Габриель и котенок, *не волнуйся, малыш, все будет хорошо*.

Почти счастливый Габриель что есть силы смежает веки, отводит руку далеко за спину и швыряет камень.

И наступает тишина.

А потом, откуда-то издали, с края этой бездонной, подернутой мутной пленкой тишины, раздается голос Мончо:

– Он попал!..

– Попал! – Голос Начо намного ближе, чем голос Мончо.

– Попал! – Голос Осито еще ближе.

А самый близкий – голос Кинтеро.

Он вполз в ухо Габриеля и забился там, как муха между стеклами. Огромная навозная муха, на такую даже смотреть неприятно, сразу возникает приступ тошноты.

– Ты попал, слышишь, – жужжит муха. – Хоть и дерьмовая башка, а меткий.

– Нет, – Габриель едва шевелит губами. – Я не попал.

– Попал, не сомневайся. Кот издох? – вопрос адресован Мончо, еще одной навозной мухе.

– Издох, – подтверждает муха-Мончо.

– Издох, – подхватывает муха-Начо.

– Издох-издох, – не отстает от приятелей муха-Осито.

– Вот видишь! Издох! Каменюкой по темени – как тут не издохнуть-зыы... Зы-ы-зы-ыы...

Жужжат и жужжат, облепили со всех сторон и не отпускают. Того и гляди, оставят в покое ухо и набьются в рот – что тогда будет делать бедолага Габриель?...

– Нет, я не мог попасть...

– Хочешь посмотреть, что он издох? Иди и посмотри-зы-ы-ы...

Они придумали это специально, чертовы мухи, – чтобы связать Габриеля по рукам и ногам, а он не в состоянии причинить зло беспомощному животному, он даже не целился, просто бросил камень, который вряд ли и до ограды-то долетел, *они придумали это*.

Мончо и Начо – большие специалисты по подлому битью под коленки, но Мончо и Начо здесь совсем ни при чем: Габриель валится на землю сам, без чьей-либо помощи. Все так же, не открывая глаз, он заслоняет голову руками и тихонько поскуливает.

– Слабак, – Кинтеро касается ребер Габриеля носком ботинка. – Не видать тебе Америки, как своих ушей.

– Отметелить его? – деловито интересуются Мончо и Начо.

– Была охота мараться... Пошли отсюда.

Рой навозных мух улетает без всяких (трагических для Габриеля) последствий.

...Он больше никогда не увидит медвежонка, но спустя лет пятнадцать нос к носу столкнется с Мончо и Начо, благополучно ставшими Рамоном и Игнасио. Рамон зайдет в магазин Габриеля купить коробку сигар со скидкой, а Игнасио останется на улице поджидать друга. Рамон так и не узнает его, зато Габриель сразу же вспомнит обоих, они не слишком-то изменились, несмотря на заросшие щетиной лица. Они не изменились и по-прежнему выглядят шестерками, за которых думает кто-то другой.

Самый умный.

И все то время, что Рамон проведет в магазине, нюхая сигары, Габриеля будет мучить вопрос: «Ну как там Америка, парень?...»

Судя по внешнему виду Рамона и оставшегося за дверью Игнасио – до Америки они так и не доплыли.

«Странно, – подумает Габриель, разглядывая Рамона, – я совсем не вспоминал о них, даже о Кинтеро, а вот о темно-рыжем котенке помнил всегда».

Он не должен был что-либо говорить Рамону, но все-таки сказал.

– Ну как там Америка, парень?

Рука Рамона с зажатыми в ней деньгами слегка дрогнула:

– Какая еще Америка?

– Вы же собирались в Америку. Ты, он, – кивок в сторону скучающего на улице Игнасио, – Осито и ваш главный. Кинтеро.

– Осито прострелили башку сто лет назад, – Рамон сказал это по инерции и лишь потом удивленно уставился на лицо Габриеля. – А ты кто? Откуда знаешь Осито?

– Я Габриель. Помнишь такого?

– Впервые тебя вижу.

– А котенка помнишь?

– Какого еще котенка?

– Которого вы убили.

– Ха! Я пришил штук десять котов, что с того? А ты был родственник тому коту? Но если ты меня знаешь, значит, мы были приятелями, так?

– Нет.

– Значит, просто знакомыми? Ну а раз мы были знакомыми, давай-ка сюда еще одну коробку сигар. В честь встречи. Заметь, я не прощу ее просто так. За одну я заплачу, а две по цене одной старому знакомому – это справедливо?...

Отдал ли Габриель вторую коробку сигар, в памяти не зафиксировалось. Но уж такая она, память Габриеля, всегда избирательная, всегда щадящая, всегда готовая подыграть ему – ангел-хранитель, а не память.

Котенок являлся Габриелю в снах: поначалу – едва ли каждую ночь и мертвый, затем – с полугодичными интервалами и живой. Живой котенок из снов неизменно прощал Габриеля – за то, что он струсил и бросил камень. И за то, что он струсил еще раз – уже в полном одиночестве, – когда не решился подойти к ограде и посмотреть: можно ли еще помочь бедному животному, можно ли его спасти.

Все было именно так.

Габриель провалялся на земле довольно долго. Он не ждал, что компания вернется, хотя, безусловно, лучше бы ей было вернуться и выполнить задуманное, *отметелить слабака*. Тогда Габриелю стало бы легче.

Но никто не вернулся.

Чуть приоткрыв глаза и малодушно расфокусировав взгляд, Габриель ошупал пространство возле ограды. И сразу же обнаружил неподвижное темно-рыжее пятно.

Пятнышко.

Совсем крохотное.

«Кот издох», – сказал Кинтеро. Но вдруг котенок оказался хитрецом и просто прикинулся мертвым? А когда исчезнет Габриель (последнее из безжалостных и страшных человеческих существ), поднимется, как ни в чем не бывало, отряхнется и побежит по своим неотложным кошачьим делам.

– Не волнуйся, я уже ухожу, – громко сказал Габриель.

И ушел.

Остаток вечера он потратил на то, чтобы убедить себя: котенок – хитрец. Хитрюга. Пройдоха. Ловкая бестия. Жует где-то звериные консервы и посмеивается над мальчишками-недоуками.

Габриелю почти удалось поверить в это. И он заснул в своей кровати – если не успокоенный окончательно, то, во всяком случае, примирившийся с собой.

Никто не просил котенка влезать в Габриелев сон, но он влез. «*Мертвое мало чем отличается от живого*, – подумал во сне Габриель, – *оно всего лишь не движется и не дышит, вот и все*». Мертвое не отталкивает и не ужасает, просто... оно какое-то неудобное, как заноза в пятке. Или как звук, когда пенопластом скребут по стеклу —

Габриель и проснулся от этого звука.

Он шел не извне, а рождался в голове самого мальчика; шрр-шрр-шшшррр – от висков к затылку, и снова к вискам. Трясти головой бесполезно, подпрыгивать (в надежде, что проклятое «шрр» выскочит) – тоже. Габриель пробовал читать, но не понимал из прочитанного ни строчки. Пробовал разговаривать с мамой и даже с отцом, но не слышал их голоса. Отчаявшись, он отправился в парк, где накануне оставил котенка, – вот когда скрежет и царапанье проявили себя в полной мере!.. Они стали просто невыносимыми, почти как Мария-Христина с ее вечными подколками и шуточками про *недоумка*. Но стоило Габриелю приблизиться к месту расправы, как все разом стихло.

Он не нашел тела. Только с десяток камней у ограды – относительно чистых, без отметин крови и шерсти. Никаких особенных следов не было и на земле, значит, он не ошибся и все понял про хитреца-котенка.

Не ошибся!..

А ко сну можно приспособиться, чтобы он не доставлял неприятностей. Наверное, так и произошло: Габриель приспособился. Во сне котенок продолжал оставаться мертвым, но при этом шерсть его не тускнела, наоборот – лоснилась и становилась все гуще. Во сне над котенком сияло солнце, а дождь (если случался дождь) проходил стороной. Кажется, там еще

были птицы, малютки-сверчки и густые заросли кошачьей мяты – лучшего места придумать невозможно.

Котенок не страдает – значит, и Габриель не должен страдать.

Он должен успокоиться насчет пенопласта, насчет занозы в пятке: занозы этой разновидности не выходят наружу. Через слои эпидермиса они проникают все глубже, ныряют в кровоток и, попутешествовав, прибывают к сердцу.

Чтобы остаться там навсегда.

Сердце Габриеля все-таки щемило, иначе зачем бы он рассказал о котенке полужаночкой Фэл?

...– Он, кажется, умер.

– Ты точно знаешь это? Ты видел его мертвым?

– Нет, но...

– Вот что ты должен запомнить, малыш: кошки – очень живучие существа. Даже если кошка выпадет из окна какого-нибудь верхнего этажа – она останется жива.

– Почему?

– Потому что кошки так устроены. Они гибкие. Они умеют собраться в самый последний момент. Врасплох их не застанешь. У меня было несколько знакомых кошек, с которыми случались подобные казусы... Я имею в виду падение с высоты.

– И?...

– Никто из них не разбился. Все они прожили долгую счастливую жизнь.

– И сейчас живут?

– И сейчас.

– Значит, мой котенок...

– С ним все в порядке, поверь.

Это именно то, что хочет слышать Габриель. Голос Фэл такой же мягкий и прохладный, как и ладони, которыми она обнимает его за плечи. Голос Фэл струится подобно водопаду, под него просто необходимо встать, чтобы ловить капли пересохшими губами. Габриелю хочется плакать, но больше – смеяться: смех облегчения, вот как это называется. До чего же замечательно, что появился кто-то, кто снял с Габриеля всякую ответственность, утешил его и успокоил.

В знак благодарности Габриель просит Фэл рассказать о пульсарах: они много сложнее, чем ему представлялось, *не косматые и не хвостатые*.

Фэл изо всех сил старается быть понятной и доступной, «пульсары – это космические источники импульсного электромагнитного излучения, – говорит она, – большинство пульсаров излучает в радиодиапазоне от метровых до сантиметровых волн».

Радиопульсары отождествляются с быстро вращающимися нейтронными звездами.

И еще что-то про оптический, рентгеновский и гамма-диапазон и про конус, в котором генерируется излучение.

– Пульсары – самая интересная вещь на свете, – не слишком уверенно заявляет Фэл. – Будешь писать мне письма?

– Письма?

– Ну да. Я люблю получать письма. А ты?

До сегодняшнего дня Габриель ни с кем не состоял в переписке, он и понятия не имеет, как это делается.

– Твой отец писал мне письма. Они были забавными. Иногда он такое придумает, что я хохочу до упаду сутки напролет.

– А про меня он писал?

– Конечно! Не было ни одного письма, в котором бы ты не упоминался...

– А я? О чем должен писать я?

- О чем угодно. О том, как ты живешь. И что делаешь.
- Про школу тоже можно писать?
- Если считаешь нужным.
- Там не очень интересно.
- Тогда не пиши.
- А если и в жизни ничего интересного не происходит?

Фэл похожа на маленький заводик по производству телячьих нежностей: она ласково ерошит Габриелю волосы и целует в обе щеки и еще в подбородок, «никогда так не говори, дорогой мой! Жизнь не может быть неинтересной, нужно только присмотреться повнимательнее. Ведь столько замечательных вещей вокруг!»

- Мороженое, – тут же вспоминает Габриель.
- Мороженое, да, – подтверждает Фэл. – Мороженое делает жизнь вкусной. Какая жизнь тебе понравилась бы больше – ореховая, ванильная или земляничная с добавлением киви?
- Мне нравится фисташковое... И чтоб оно слегка подтаяло.
- Отлично. Думай о жизни, как о фисташковом мороженом.
- Я попробую. Еще было бы здорово уплыть куда-нибудь.
- Здорово, да! Однажды я путешествовала на океанском лайнере.
- Не в Америку?
- Нет.
- А собираешься?

– Все рано или поздно собираются в Америку, – философски замечает Фэл. – Но я уже была там. Ездил в одну обсерваторию в Чили... Чили – тоже Америка, только Южная.

Габриель в курсе дела, он неоднократно видел Чили на карте, это очень узкая страна, похожая то ли на нож, то ли на морского угря. Она находится в спасительном отдалении от той Америки, в которой существуют банки, казино и черные костюмы с белыми шляпами и куда намылился Кинтеро с друзьями. Вдруг Фэл взбредет в голову поехать в *ту* Америку, и она столкнется с Кинтеро? Габриеля почему-то совсем не привлекает подобная перспектива.

- А в большой Америке... Не Южной... Там есть обсерватории?
- Ну конечно. Там очень хорошие обсерватории.
- Но они ведь нисколько не лучше, чем та, в которой ты работаешь? Или та, в Чили...
Ведь не лучше, правда?

– Мне трудно сравнивать. – Фэл вполне серьезно отнеслась к вопросу Габриеля. – Но говорят, что оборудование там первоклассное.

- «Говорят» – еще не значит, что так оно и есть.
- Какой же ты забавный! – Еще один повод растормошить и поцеловать Габриеля найден. – Тебе нравится фисташковое мороженое, но совсем не нравится Америка, так?
- Думаю, что делать в Америке совершенно нечего, – мрачно произносит Габриель. – Если ты, конечно, не собираешься играть в казино или... Или грабить банки.

– Не собираюсь, честное слово! Но когда я говорила об океанском лайнере, я имела в виду обыкновенный круиз. Пять портов за десять дней, полный пансион и стюарды, похожие на римских легионеров, – все до единого. Я была туристкой.

- А я до сих пор никем не был. И нигде. Еще я люблю книги...
- Так я и думала. Ты – большой молодец.

Молодец, а никакой не недоумок – если бы это услышала Мария-Христина, то сразу прикусила бы язык!.. Ох, уж эта Мария-Христина! В противовес зеленому лужку-Фэл сводная сестра предстает перед Габриелем угрюмым плато, усеянным подлыми ядовитыми колючками, торчащими из земли корневищами, насмешливыми грудками камней. Еще никому, кроме *темной лошадки* Хавьера, не удалось пройти по плато, не поранившись, – и лучше держаться от этой местности подальше.

- Ты не очень нравишься моей сестре, – сдает Марию-Христину Габриель.
- Полагаешь, мне нужно напрячься, чтобы понравиться ей?
- У тебя все равно ничего не получится... Она всегда такая – ей никто не нравится...
- Честно говоря, и я от нее не в восторге. – Фэл нисколько не расстроена от сказанного

Габриелем. – Ничего, что я так говорю? Может, ты переживаешь из-за нее?

– Нет.

Фэл разглядывает Габриеля с таким любопытством и жадностью, как будто он – первый мальчик, который встретился ей на пути и к которому она подошла достаточно близко. Так близко, что расстояние измеряется сантиметрами (как радиоволны), а иногда исчезает совсем. Что, если и правда – первый? Это обстоятельство необходимо немедленно прояснить.

– У тебя есть дети?

– Нет, – просто отвечает Фэл.

– Почему?

– Не знаю. Так получилось. Раньше я не задумывалась над этим...

– А сейчас?

– И сейчас не задумываюсь.

– А у тебя есть знакомые среди детей?

– Погоди-ка... У меня есть знакомый продавец птиц, и я неплохо знаю его подопечных...

У меня есть знакомый фотограф и знакомый репортер криминальной хроники... Про кошек я тебе уже говорила, упомяну еще и собаку, щенка бассет-хаунда. А дети... Нет, знакомых детей у меня нет. Кроме одной девочки, дочка фотографа. Но она такая толстая, противная и глупая, что можно смело сбросить ее со счетов. Ты – мой первый знакомый ребенок, малыш.

Из всего приведенного теткой списка Габриеля особенно интересуют щенок бассет-хаунда и продавец птиц (*это то же самое, что Птицелов или нет?*) – нужно обязательно расспросить о них Фэл, когда представится возможность.

То, что трудно понять Габриелю: у его отца был сын, был с самого начала, – но как разговаривать и как жить с ним, как любить, его отец не знал. Фэл – совсем другое дело. Хоть у нее и нет опыта общения с детьми – справляется она довольно хорошо.

Настолько хорошо, что к родным, ожидающим их у выхода с кладбища, они подходят, крепко держась за руки: вернее, это Габриель цепляется за Фэл. При виде столь душещипательной (по-другому не скажешь!) сцены единения Мария-Христина хмыкает, а мама недовольно поджимает губы. И лишь *темная лошадка* Хавьер сохраняет обычное для себя – тупое и равнодушное – выражение лица.

Книжник Габриель так и не выучился искусству читать по губам. Особенно – по недовольным и старательно уложенным, как кухонные полотенца в шкафу: между ними обычно прячутся бабушкины письма (*«мне приснился дурной сон про твоего мужа, уж не захворал ли он? а от повышенной утомляемости лучше какое-то время попить экстракт родиолы»*); счета, мелкие монетки в несколько сантимов, пяльцы, набор открыток с видами Триеста, разноцветная тесьма; засохший, размером с тарелку, глазированный пряник с надписью «**Glückliche Weihnachten!**»⁵ – предмет вожелений Габриеля. Если мама разожмет губы – что оттуда покажется?

Вряд ли пряник.

Глаза Марии-Христины гораздо более красноречивы: попался на крючок, недоумок? И когда только она успела обработать тебя, эта английская сучка? А впрочем, ничего удивительного, вы оба – жалкие уродцы, нетопыри, гиены в зоопарке и то выглядят симпатичнее. Эта новая родственница – сегодня она здесь, а завтра нет ее, а мы – всегда рядом, так что хорошенько подумай, братец.

⁵ Счастливого Рождества! (нем.)

Никому, кроме Габриеля, не нравится Фэл, никто не торопится пригласить ее помянуть усопшего, никто не говорит ей: «В этот скорбный день мы должны быть вместе». Все думают только о том, что она претендует на часть какого-то мифического наследства.

Габриель уверен: Фэл не охотница за наследством.

И оттого он сжимает ее руку еще крепче. И не слишком-то прислушивается к тому, что говорят взрослые.

– Вы устроились где-то в городе, Виктория? – Мама сама любезность. – Если да, то это не очень хорошая идея... Мы ведь родственники.

– Я остановилась у своих старых друзей, так что не стоит волноваться.

– Вы нисколько не стеснили бы нас.

– Я понимаю, но...

Старые друзья Фэл. Что это еще за старые друзья? Очередной фотограф, очередной репортер криминальной хроники, очередной щенок бассет-хаунда, а, может, не бассет-хаунда – фокстерьера (весельчаки-фокстерьеры всегда нравились Габриелю).

– Конечно, ты нас не стеснишь, – встречает в разговор Габриель. – Ты можешь занять любую комнату! Ту, где живет бабушка, когда приезжает к нам. Сейчас ее нет...

– Бабушкина комната – это бабушкина комната, – одергивает мальчика мать. – Мы должны хранить ее в неприкосновенности. Вы уж извините, Виктория...

– Но сейчас-то бабушки нет, – Габриель едва не плачет.

– Нет, но комната здесь ни при чем. Мы и сами туда не заходим. У старых людей свои причуды, и нужно относиться к ним снисходительно...

– Не стоит беспокоиться обо мне.

Фэл хочет отстраниться, отнять свою руку от ладони Габриеля – не тут-то было!..

Во рту матери перекатываются мелкие монетки, разноцветная тесьма путается, а виды Триеста не предвещают путешественникам ничего хорошего; позже, когда английская сучка уберется на свой вонючий остров, Габриелю будет устроена самая настоящая экзекуция: «Ты выставил нас в дурном свете, несносный мальчишка, ты вел себя отвратительно! Зачем ты устроил этот скандал, да еще в день похорон отца?!»

Но с Фэл мать соблюдает приличия:

– Я всего лишь хотела сказать, Виктория, что комната моей матери – не единственная. Вы вполне можете занять кабинет.

Габриель что есть силы сжимает руку Фэл – «соглашайся!».

– Соглашайтесь, ну же! – настаивает мать под недовольные гримасы и ужимки Марии-Христины. – Вот и Габриелю вы понравились...

«Понравилась, о да! Он просто прилип к ней, как дерьмо к заднице», – семафорит лицо сестры, желтый с черным кружком флажок сменяет другой – в желтую же и синюю вертикальные полосы: «Мне нужен лоцман».

Все верно, Габриелю просто необходима тетка Фэл.

– Мне он тоже понравился, – говорит Фэл, потупив взор. – Он замечательный мальчик и очень похож на своего отца...

* * *

...«Замечательный мальчик» жаждет историй и жаждет прикосновений.

Последнее легко объяснимо: Фэл приехала из страны, где почти не бывает послеполуденного зноя и где понятие «сиеста» не имеет своих собственных языковых аналогов. От кожи Фэл идет легкий холодок, она и не думает теплеть (даже на солнце) и уж тем более не думает таять – и в этом отношении намного предпочтительнее мороженого, которое так любит Габриель.

Впрочем, насчет «таять» Габриель не совсем уверен.

Не стоило бы ему читать эту грустную сказку про Растаявшую Фею!.. Она прилетела на Землю с далекой звезды и полюбила парня из маленькой мансарды, из маленького королевства, возможно, расположенного на той же широте, что и Англия, – или даже севернее, в тысячу раз севернее. Любовь оказалась взаимной, и все могло сложиться совершенно счастливо, и сказка бы тогда наверняка называлась бы по-другому, но... Молодой человек из мансарды получил направление в южную колонию. И она поехала с ним, поплыла на пароходе, навстречу собственной гибели, и

растаяла.

Тело феи оказалось мягче, чем воск (похоже, это и был воск!), от нее всего-то и осталось, что муслиновое платье, у Марии-Христины есть такое же. Оно висит в шкафу, набитом блузками, юбками, десятком сарафанов, шортами-бермудами и футболками с изображением группы «Битлз», группы «Роллинг Стоунз» и психоделической команды из Калифорнии «ДЖЕФФЕРСОН ЭЙРПЛЕЙН».

Ничего подобного нет у Фэл.

До сих пор Габриель видел только мрачный наряд, в котором Фэл была на похоронах, к ночи он сменился ночной рубашкой из плотной ткани. В последующие три дня в гардероб тетки добавились лишь жакет цвета маренго и платок, которым она повязывала голову.

Марию-Христину можно назвать жгучей красавицей, она хорошо сложена, и платье из муслина сидит на ней идеально, – но она не фея.

Фея – совсем другой человек.

Его английская тетка.

Если думать о Фэл, как о фее, – то все сразу же находит объяснение и становится на свои места. Большой лоб и глаза, почти лишенные ресниц, уже не отталкивают. Ведь фее совсем не обязательно быть красивой, достаточно нежности, доброты и тепла.

Все эти качества у Фэл в избытке, но вдруг она растает?...

Исчезнет из жизни Габриеля так же внезапно, как и возникла.

Габриель рассказывает Фэл сказку о Растаявшей Фее в первую же ночь. Он и сам не знает, как это получилось: он собирался пробыть в кабинете, где устроилась тетка, не больше минуты, – минуты вполне хватило бы, чтобы пожелать ей *сладких снов*. И уговориться насчет завтрашнего дня. Никаких особых планов у Габриеля нет – вот если бы и у Фэл тоже не было! Тогда можно остаться дома и разговаривать. Или отправиться куда-нибудь и тоже разговаривать – вдруг посередине этих разговоров вскроется что-нибудь любопытное, не обязательно касающееся пульсаров. Вдруг она уже получила известие от отца – из того чудесного поезда, с колокольчиками, почтовыми рожками и кузнечиком, который обосновался в вагоне первого класса. Раз уж они так привыкли переписываться, то не откажутся от этой привычки и в новых обстоятельствах,

когда папы больше нет.

Его нет в этом кабинете, где он проводил часы и дни, нет на кухне и в ванной, где он брился и рассматривал отечные щиколотки и распухшие запястья (верный признак болезни сердца!), – но где-то же он есть?

В поезде, в поезде. В поезде, ту-ту-ту-уу!..

Фэл постелили на диване, слишком большом для ее маленького тела: рядом с ней легко уместились бы еще три Фэл и как минимум пять Габриелей. В изголовье дивана горит ночник – лампа с бледно-сиреневым абажуром и ножкой в виде странного человеческого существа со слоновьей головой, отец называл его богом мудрости и покровителем путешественников Ганешей.

Путешествия, о!.. Путешествия не имеют к отцу (каким знал его Габриель) ни малейшего отношения.

Узкие высокие окна затянуты шторами, узкие высокие шкафы забиты книгами. В углу, на низком столике из красного дерева, стоит граммофон с медной трубой, больше похожей на раскрывшееся жерло какого-то диковинного цветка. Медь поблескивает в свете ночника, все остальное скрыто в полутьме. Но Габриель знает, что граммофонный раструб не одинок: внизу притаилась новейшая стереосистема со множеством колонок и двумя тюнерами, а место справа занимает восковой валик Эдисона, страшно антикварная и дорогая штука.

В кабинете есть еще множество небольших ящичков (в них живут сигары); множество застекленных стоек (в них живут цирковые плакаты); покрытое сукном бюро и конторка с лежащими на ней «**Nouveau petit LAROUSSE illustré**»⁶ 1936 года и лупой. Вот интересно, лупа еще там?... Если взять ее и приблизить к лицу – может быть, тогда Фэл увеличится в размерах? И не будет казаться такой маленькой, такой беззащитной в этой огромной и безжизненной комнате?

Пока Габриель размышляет об этом, пространство вокруг дивана с Фэл приходит в движение и начинает странным образом вибрировать, искривляться, вздыхать – как будто приносившаяся к неожиданной постоялице. Опс! – и вот уже окна и книжные шкафы не кажутся такими высокими. Упс! – сузились и ужались стены. Чик-вжик-трак! – опустился потолок. Теперь это и не кабинет вовсе, а чудесная маленькая табакерка или чудесная музыкальная шкатулка, а Фэл нужно всего лишь протянуть руку, чтобы открыть дверь. Пошевелить фалангой пальца, чтобы распахнуть окно.

Наверное, это природное явление объяснимо и связано с профессией тетки. Всю жизнь ее спутниками были пульсары (хоть и нейтронные, а все же звезды), и Фэл волей-неволей переняла их повадки: втягивать все в свою орбиту, в воронку, подминать под себя. Так, в понимании Габриеля, выглядят *сверхтекучесть, сверхпроводимость, сверхсильные магнитные поля*.

Если это так, и Фэл вдруг придет в голову зевнуть – Габриель, подхваченный магнитным полем, полетит напрямик ей в рот. Все то время, что они знакомы, Габриеля тянуло к тетке, как магнитом, и только теперь нашлось объяснение этому —

НАУЧНОЕ

и гораздо более убедительное, чем все другие объяснения.

Фэл читает толстенную книгу, но Габриель все же находит нужным спросить:

– Ты не спишь?

– Нет. А почему ты еще не в кровати?

– Вот... Пришел пожелать тебе спокойной ночи. Сладких снов.

– Сегодня я вряд ли усну. Но желай.

Видя, что Габриель нерешительно мнетя у двери, она откладывает книгу и похлопывает рукой по дивану:

– Иди сюда.

Только это ему и нужно: через секунду он оказывается рядом с Фэл, и даже через долю секунды, – магнитное поле все-таки сработало.

– Сегодня был очень грустный день. Очень тяжелый, – говорит она.

– Да. – Габриель тотчас начинает угрызаться от осознания того, что не чувствует ни грусти, ни тяжести.

Поездка на фантастическом скором поезде – еще не повод для расстройства.

Он не станет рассказывать про поезд тетке, вдруг она посчитает его глупым или (хуже того) прыгнувшим с мозгов мальчишкой, который ровным счетом ничего не понимает в смерти. *Смерть – это такое средство передвижения*, мог бы выдвинуть гипотезу Габриель, – но вместо этого принимается склонять на все лады историю про Растаявшую Фею.

Сказка на ночь.

⁶ Один из популярных французских энциклопедических словарей.

Воспроизведенная с максимальной приближенностью к первоисточнику, она вышибает у Фэл слезу. Да-да, Фэл натурально плачет и сглатывает слезы, как это делал сам Габриель – жутко давно, в бессмысленном возрасте пяти или шести лет.

– Кошмар, – вдоволь нарыдавшись, наконец говорит она. – Случится же такое! Растаяла!.. Бедняжка Розалинда! Бедный твой папа...

– А такое и в самом деле может случиться? С кем-нибудь?

– С кем?

– С кем-нибудь не в сказке, – осторожно уточняет Габриель.

– Не в сказке – вряд ли. Я, во всяком случае, про такое не слыхала.

– Но это возможно?

– Теоретически... Если мы, к примеру, возьмем процесс аннигиляции, когда частица сталкивается с античастицей и они исчезают, превращаясь в другие частицы...

– Нет, не теоретически.

– В жизни никто не тает, если тебя интересует именно это.

Габриель выпускает вздох облегчения: пусть Фэл и не фея, зато романтическая кончина на палубе, под палящими лучами, в объятиях муслинового платья ей не грозит.

– Видишь тот стол с сукном? – не-фея демонстрирует удивительную способность переключаться с темы на тему.

– Бюро, – уточняет Габриель. – Тот стол называется бюро.

– Верно. Ты не мог бы выдвинуть верхний правый ящик и кое-что взять?

– Не получится. Ящики в бюро всегда закрыты на ключ.

Это чистая правда. Габриель неоднократно пытался подобраться к манящим его воображение ящикам и всякий раз терпел фиаско. Их пять, похожих друг на друга как близнецы: два с правой стороны и три с левой. Ящики сияют темно-ореховой поверхностью, а прорези замочных скважин на них заставляют вспомнить о египетском боге солнца Ра. Габриель видел картинку с богом в «**Nouveau petit LAROUSSE illustré**»: глаза Ра на картинке – такой же формы, что и скважины.

Ключа к ящикам (в отличие от бога солнца) Габриель не видел никогда.

– ...Ключ. Я и забыла. Вот, возьми.

Фэл снимает с шеи цепочку, на которой (вместо медальона, крестика или ладанки) висит маленький блестящий ключ.

– А он подойдет?

– Конечно. Ведь это и есть ключ от бюро.

– Откуда он у тебя? —

Подобный вопрос для Габриеля чистая формальность, Фэл может не заморачиваться с ответом. Какая разница, откуда у нее ключ, важно – *что* он отпирает. Не пройдет и тридцати секунд, как Габриель узнает о содержимом ящиков: вдруг там спрятаны невероятные, потрясающие предметы? Настолько потрясающие, что к ним вполне применимо слово «артефакт» – о его существовании Габриель узнал не так давно, но случая употребить еще не представилось.

– ...Откуда? Его прислал мне твой отец. Несколько месяцев назад.

– Зачем?

– Сейчас откроем ящик и все узнаем.

– Там спрятан артефакт? – Габриель так возбужден, что не сразу попадает ключом в скважину.

– Ого!.. Насчет артефакта я не совсем уверена...

Куда ему слушать Фэл, если ключ легко повернулся в замке и ящик поддался? Возбуждение достигает пика и – следом за ним – следует сокрушительное разочарование.

Ящик пуст.

Почти пуст, если не считать еще одного ключа, болтающегося на дне. Второй ключ раза в два больше первого, он не украшен ни искусной резьбой, ни драгоценными камнями, ни инкрустацией из слоновой кости. Такими ключами отпираются самые захудалые дома, самые дешевые закулочные, самые заброшенные подвалы, в которых не сыщешь ничего, кроме крыс.

Нет-нет, так просто Габриель не сдастся, впереди целых четыре ящика!

Он уже готов продолжить поиски, когда слышит голос Фэл:

– Ты не должен этого делать.

– Почему?

– Потому что мы должны взять только то, что лежит в верхнем правом ящике.

– Но там только еще один дурацкий ключ.

– Значит, нам нужен именно он.

– А остальное?

– Послушай, на все остальное мы не имеем права, —

Фэл по-прежнему кажется мягкой (она даже мягче, чем обычно), но тени за ее спиной начинают сгущаться, а воздух – угрожающе потрескивать, *помни об аннигиляции, малыши.*

Помни и не перечь.

...Спустя день, ключом, найденным в ящике, Фэл откроет самую важную дверь в жизни Габриеля. За ней окажется помещение, в котором Габриель проведет самые прекрасные дни и самые ужасающие ночи. Впоследствии разделение дней и ночей уже не будет таким четким, и темнота (или то, что кажется темнотой), переползет на территорию света, медленно съедая ее, откусывая по кусочку.

Габриель и Фэл оказываются на улице Ферран через несколько часов после оглашения завещания.

Завещание состоит из трех миллионов пунктов, по которым можно ненавидеть английскую выскочку. В нем сказано, что *Виктории Бастидас де Фабер* (так выглядит полное имя Фэл) переходит коллекция кубинских сигар в количестве 931 штуки, библиотека и автомобиль «Золотой Бугатти» 1927 года выпуска, о существовании которого никто в семье Габриеля не подозревал.

Где он находится в настоящее время – тоже неизвестно.

Кроме того, в собственности сеньориты Бастидас оказывается часть недвижимого имущества покойного на улице Ферран, в центральной части Города.

По сравнению со столь внушительным куском пирога остальные куски выглядят не так впечатляюще, это крохи, а не куски:

– небольшое денежное вспомоществование вдове покойного,

– счет в банке на имя сына покойного (суммы, лежащей там, хватило бы разве что на годовой абонемент в океанариум).

Судьба пластинок и аудиотехники (включая граммофон) тоже худо-бедно устроена, они передаются в дар дочери вдовы покойного от первого брака. Не обойдены вниманием и цирковые плакаты, их необходимо переслать г-ну «**Bugge Wesseltoft**», до 1981 года проживавшему в городке Бад-Грисбах, в Баварии.

Бад-Грисбах, не там ли запаркован «Золотой Бугатти»?

– Он был большой шутник – ваш муж и мой брат, – объясняет впавшей в уныние матери Габриеля Фэл. – Я понятия не имею, кто такой Багги Вессельтофт... Я даже не знаю, существует ли этот Багги на самом деле.

– А по-моему, он был мудаком. Тихушником с поехавшей крышей. Жалким ничтожеством, который сидел на твоей шее и годами измывался над тобой, мама.

Мария-Христина не стесняется в выражениях, и ее можно понять: уж слишком оскорбительным выглядит пункт о запиленных оперных пластинках толщиной в палец, она всегда считала их мусором. А граммофон и эдисоновский восковой валик!.. Вещи, совершенно нес совме-

стимые с психоделической командой «ДЖЕФФЕРСОН ЭЙРПЛЕЙН», на создание очередного элэдэшного шедевра в стиле «Surrealistic Pillow»⁷ они вряд ли вдохновят.

– Вы не должны так говорить, Мария-Христина. – Фэл пытается быть вежливой с сестрой Габриеля.

– Отчего же? Я считаю, что это не завещание, а самое настоящее издевательство.

– Это воля покойного...

– Ну да, ну да. Вам-то переживать нечего, вы-то огребли по полной.

– Что вы имеете в виду?

– Не прикидывайтесь дурочкой. Я имею в виду «Золотой Бугатти». Знаете, сколько он стоит?...

Габриель и не предполагал, что его сестра разбирается в машинах. Должно быть, сказывается влияние *темной лошадки* Хавьера – обладателя обшарпанного мопеда, мечтающего в обозримом будущем пересечь на малолитражную *bebe-Peugeot*⁸.

– Я не слежу за автомобильным рынком. – Фэл – само спокойствие.

– Даже на автомобильном рынке «Золотой Бугатти» – большая редкость. Самый дорогой автомобиль двадцатых годов, и за последние шестьдесят лет его цена только увеличилась. Если его продать любителю раритетов, то можно приобрести остров где-нибудь в Тихом океане...

– В личное пользование? – округлив глаза, спрашивает мать Габриеля.

– Конечно. Остров и часть кораллового рифа.

В уголках губ Марии-Христины пузырится слюна, она накатывает и отступает – совсем как морской прибой на том острове, до которого (без помощи «Золотого Бугатти») ни за что не доплывешь.

– Думаю, насчет кораллового рифа ваша дочь сильно преувеличивает.

– А вот и не преувеличиваю! Видишь, мама, он несколько тебя не любил, твой муженек... Оставил тебя с голым задом! А семейными ценностями теперь воспользуются никому не известные прощелыги!

Фэл не хотела этой ссоры, она по-настоящему расстроена, шмыгает носом и вот-вот готова зарыдать.

– Милая девочка... – говорит Фэл тихим, прерывающимся голосом. – Вы несправедливы ко мне.

– Несправедливым оказался ваш брат. Мама столько лет поддерживала его и заботилась о нем – и что же получила взамен?...

– Я знать не знала ни о каком автомобиле! Если уж на то пошло – я думаю, что и он плод фантазий моего брата. Как Багги Вессельтофт.

Мать Габриеля не в состоянии сказать ни слова (она лишь безвольно наблюдает за перепалкой) – зато Мария-Христина старается за двоих:

– Ага, значит, он таки был сумасшедшим!

– Он не был сумасшедшим.

– Но при этом его завещание полно несуществующих объектов и субъектов!

– Он не был сумасшедшим!

– Вы правы, – неожиданно отступает Мария-Христина. – Не был. Тем более что документы на «Золотой Бугатти» в полном порядке. Я видела их. Я держала их в руках. Я их изучила.

– Где же ты их нашла?

– Не важно где, мама. Нашла и все.

⁷ «Сюрреалистическая подушка» (англ.).

⁸ Малютка-«Пежо» (фр.).

Бюро в кабинете отца, покрытое расслоившимся, загустевшим от времени сукном. Наверняка документы на машину лежали в одном из четырех непроверенных Габриелем ящиков. Напрасно он послушался Фэл и не отпер их! И какой прок в честности тетки, если окружающие считают ее воровкой, самозванкой и этой... как ее... никому не известной прощелыгой?...

– Отлично! – Фэл вскидывает голову. – Если вы нашли документы – найдите и машину. А когда найдете, можете смело ею пользоваться. Ездить сами, сдавать в аренду или продавать любителям автомобильной старины. А на вырученные деньги приобретайте острова, коралловые рифы, морские шельфы с нефтью и алмазные прииски. Черта лысого приобретайте, я напишу любую бумагу.

– Ага! Ловлю вас на слове! – торжествует Мария-Христина.

В последующие два года интенсивных и семь лет менее интенсивных поисков «Золотой Бугатти» так и не будет найден. На первом этапе поисками занимался *темная лошадка* Хавьер. Ему же удалось обнаружить следы бугатти на Итальянской Ривьере и – позже – в Монако, где Хавьер погиб при невыясненных обстоятельствах: его труп нашли на задворках казино в Монте-Карло. Карманы Хавьера лопались от денег и фишек, а за пазуху была заткнута брошюра о Николасе Зографосе⁹ и его «Греческом Синдикате». Остальные любовники юной Марии-Христины тоже включились в гонку за «Золотым Бугатти» – с такими же печальными для себя последствиями. Двоим помогли уйти из жизни неустановленные доброхоты, еще один свел счеты с ней самостоятельно, еще один затерялся где-то на просторах Восточной Сибири (что тоже можно считать косвенным подтверждением гибели). Единственным, кто выиграл в этой ситуации, оказалась сама Мария-Христина —

она написала свой первый роман.

Ничем не примечательная любовная история, задрапированная под мистический детектив, так и называлась – «Золотой Бугатти». С мистикой и интригой в опусе Марии-Христины дела обстояли туго, зато все в порядке было с псевдоэротическими сценами, размышлениями главной героини о том, кому бы всучить свою просроченную девственность, и (не лишенными оригинальности) сравнениями мужских гениталий с:

- а) немецкой *Naubitze*¹⁰ времен 1-й мировой войны
- б) древком императорского штандарта
- в) самым величественным из каменных столбов Стоунхенджа.

Тогда же, в «Золотом Бугатти», Мария-Христина впервые опробовала тип героини, который (с незначительными вариациями) будет разрабатываться ею во всех последующих романах. Девушка слегка за двадцать, «похожая на фарфоровую статуэтку», с волосами «цвета спелой ржи», с «васильковыми глазами», с «персиковой/атласной кожей». В эту же концепцию идеальной внешности вписывается «родинка под правой грудью» и сама грудь – «высокая, упругая, с маленькими сосками-горошинками». И еще ноги – «роскошные, удивительно стройные, лилейно-белые». Взмыть в небеса с такой кучей достоинств практически невозможно – потому и приходится постоянно доплачивать за превышение допустимого веса багажа и ручной клади. В них лежат «острый, пыливый ум», «сердечность», «самоотверженность» и «она в совершенстве владела приемами айкидо и пятью языками, включая язык индейцев кечуа». К несомненным плюсам этой чудо-героини относится и то, что на первых десяти страницах она обязательно теряет память и становится игрушкой в руках страшных негодяев. Оставшиеся шестьсот девяносто страниц, как правило, посвящены проникновению в агентурные сети разведок мира, промышленному шпионажу и соблазнению политиков, глав крупных корпораций, особ королевской крови, хорошо законспирированных масонов и розенкрейцеров. И конечно

⁹ Выдающийся карточный игрок 1-й половины XX века.

¹⁰ Гаубица (*нем.*).

же, поиску того единственного, с «древком императорского штандарта» в паху, с которым героиня сможет наконец-то расслабиться, *вспомнить все* и почувствовать себя слабой женщиной. На шестьсот пятидесятой странице такой человек обязательно появляется – и не один, а с замком в Провансе, квартирой на Манхэттене, латифундией в Бразилии и с чековой книжкой в зубах.

Фу-у, гадость. Мерзость. Хорошо оплачиваемое литературное самоубийство.

Мария-Христина читала не совсем подходящие книжки в нежном возрасте – вот результат и не замедлил сказаться.

А если бы она в день оглашения завещания не брызгала слюной и не обкладывала Фэл проклятьями, а отправилась бы с ней на улицу Ферран – все в ее писательской карьере могло сложиться по-другому.

Но Мария-Христина не отправилась.

И Фэл с Габриелем оказались на улице Ферран в полном одиночестве.

Под нужным им номером на четной стороне улицы обнаруживаются две затянутых тканью витрины со стеклянной дверью посередине. Прикрепленная к внутренней стороне двери выцветшая табличка гласит:

CERRADO¹¹.

– Это, кажется, здесь, – говорит Фэл и, примерившись, вставляет ключ в замочную скважину.

Четыре (Габриель специально считает) поворота ключа – и дверь со скрипом поддается. Фэл ставит ногу в образовавшуюся щель, оборачивается к племяннику и смотрит на него сверху вниз:

– Ты готов, дорогой мой?

Габриель не совсем понимает, к чему он должен быть готов, к тому же с некоторых пор он стал бояться дверей, за которыми его поджидает неизвестность, — и потому молчит.

Та же мизансцена повторится спустя десять лет. Но теперь уже Габриель будет возиться с четырьмя поворотами ключа и смотреть на тетку сверху вниз:

– Ты готова, Фэл?...

Фэл не терпит войти внутрь, она исчезает за дверью, предварительно перевернув табличку; вместо **CERRADO** возникает

ABIERTO¹².

Эта сторона таблички не такая линялая, буквы выглядят свежо и дружелюбно, они как будто соскучились по посетителям: все вместе и каждая в отдельности, *входи, Габриель, входи! ничего страшного за дверью нет, – наоборот, тебе там понравится, малыш.*

Вдруг и вправду понравится? – решает Габриель про себя и с бьющимся сердцем следует за теткой.

Его встречает темнота.

Она могла бы быть абсолютной, если бы не щели и микроскопические дырки в шторах. Солнечные лучи проникают сквозь них и ломаными линиями ложатся на пол: паутина лазеров в банковском хранилище, да и только.

Это не банковское хранилище.

В банковском хранилище не пахнет пылью, специями, кофейными зернами (если поднести их к ноздрям предварительно разгрызенными). Запахи не смешиваются, они уложены слоями и существуют отдельно друг от друга. Самый верхний слой – безусловно, пыль и все связанное с пылью; пыльные поверхности дерева, запылившиеся бумага и ткань. Специи и

¹¹ Замкнуто (исп.).

¹² Открыто (исп.).

кофейные зерна вносят успокаивающую ноту, они так же дружелюбны, как и буквы в слове *ABIERTO*, *вот видишь, малыши, все обстоит замечательно, ты вошел – и правильно сделал.*

Но Габриеля не проведешь.

Слой с кофе – не последний, за ним прячется еще один, самый неприятный. Он старше штор на окнах, старше таблички на двери, старше дерева и бумаги; кажется, что именно он – первооснова.

Тот еще запашок.

Габриель уже сталкивался с ним, и совсем недавно – когда висел на руке у Птицелова. Мясо, слегка тронутое гнильцой, – вот что символизирует первооснова темного помещения на улице Ферран.

У Габриеля перехватывает дыхание, и он принимается кричать дурным тонким голосом: – Фэл! Фэл!! Куда ты подевалась, Фэл-а-а-а!..

Над головой Габриеля тотчас вспыхивает лампа в пять рожков (два из пяти не горят вовсе, остальные – едва слышно потрескивают). Свет не очень яркий, но его вполне достаточно, чтобы разглядеть помещение.

И Фэл.

Она стоит на лестнице, в противоположном конце большой комнаты, у черного прямоугольника еще одной двери, с блуждающей улыбкой на лице.

– Ну, и чего ты испугался? – спрашивает Фэл.

– Здесь темно.

– Уже не темно.

– Здесь неприятно пахнет.

– Согласна, но это временное явление. Стоит нам немножко освоиться, впустить сюда свои самые лучшие чувства, самые светлые мысли, самые прекрасные воспоминания – и все сразу изменится. Это – самое расчудесное место на свете, поверь. Иди-ка сюда!..

Фэл протягивает Габриелю руки (как протягивала их неоднократно, на всем протяжении двух длинных, нескончаемых дней) – и Габриель летит к ней, жметя к жакету цвета маренго и замирает, умиротворенный. Теперь, находясь под защитой тетушки Фэл, можно перевести дух и толком оглядеться. И понять – почему Фэл называет это место «самым расчудесным на свете».

Габриель в недоумении.

Как можно считать чудесной самую обыкновенную свалку старых, ненужных вещей?

Вдоль стен с бумажными обоями тянутся грубо сколоченные полки. С правой стороны их перегораживает некое подобие прилавка. Или барной стойки. Над стойкой, в простенке между полками, висит пожелтевший от времени плакат:

WE DO NOT

SPEAK:

HINDI, Chinese,

Pakistan, URDU,

SCOTCH-IRISH

Bulgarian...

But our PRICES

speak for

THEMSELVES.

Ручная работа, не иначе, – шрифты разной величины, неровные, уходящие вниз строки; стилизованные цветы по краям плаката: кружок-сердцевинка и овальные лепестки вокруг кружка. Непохоже, чтобы здесь торговали цветами.

– Это был магазин, да? – спрашивает Габриель.

– Сразу несколько, хоть и в разное время. Восточные специи, кофе из Латинской Америки, а еще раньше – мясная лавка.

Он и сам мог бы догадаться. Плакат, написанный от руки, – не единственное украшение стены. Есть еще наклеенные друг на друга этикетки от кофе, фотография каравана, бредущего по пустыне; засохшая ветка какого-то растения со сморщенным, темно-лиловым плодом и внушительных размеров картинка из жести.

Если судить по абрису, на ней изображена корова.

Тело коровы поделено на неравные части и больше всего напоминает одноцветную географическую карту – с пунктирами границ и выделенными белой краской названиями. Пособие для начинающего мясника, вот что это такое, – бедная корова!..

Бедная Розалинда.

Бедный папа.

Подобраться к прилавку не так-то просто – он заставлен картонными коробками и заброшен ветошью. Вот бы заглянуть в коробки и попытаться найти там нечто более ценное, чем расчлененная стараниями неизвестного художника туша коровы!

Артефакт, да.

Любой, даже самый затрапезный артефакт устроил бы Габриеля:

– В коробках что-то есть?

– Не думаю.

– Наверняка есть!

– Это никому не нужный картон, дорогой мой. Но кое-что здесь просто обязано отыскаться, ты прав.

Фэл отрывает от жакета пальцы Габриеля и сбегает вниз, по ступенькам. Их пять (так же, как и рожков в люстре), они чересчур пологие, и потому лестница не выглядит высокой – подиум, а не лестница. Пандус для инвалидов-колясочников, решивших прикупить кофе, специи и телячьи почки.

Нетерпение Фэл передается и Габриелю: вместе они отодвигают коробки и сбрасывают пыльные тряпки с прилавка. При этом Фэл оставляет себе наиболее чистый, на ее взгляд, кусок полотна. И принимается с воодушевлением тереть деревянную поверхность.

– Да! Да! Я знала, я помнила! Да!.. Взгляни-ка!

Поверхность стойки испещрена надписями. Их так много, что прочесть все сразу невозможно. Выделяются лишь рисунки:

сердце, пронзенное кривоватой стрелой

еще одно сердце, разделенное на две неравные половины

еще одно сердце, с двумя каплями на остром подбородке – плачет оно, что ли?

еще одно сердце, с воткнутым по самую рукоять кинжалом.

Есть еще человеческий глаз, крест, треугольник, спираль и четырехконечная звезда с неровными лучами, но удельный вес сердец все-таки больше. И все они расположены в той стороне прилавка, где обычно стоит продавец.

Тот, кто торговал кофе, – страдал, – неожиданно решает Габриель, и тот, кто торговал специями, был не очень счастлив. Про сгинувшего во времени мясника думать не хочется, ведь сырое мясо – совсем не романтичный продукт; не то, что сентиментальные специи и склон-

ный к театральным эффектам кофе. Мясник не будет убиваться из-за стрелы в сердце, и уж тем более из-за того, что сердце разорвано на две половины. Мясник обязательно найдет изъят в нарисованном органе, ведь он видел его *на самом деле*. И совершенно не важно, чье это сердце – коровы, зайца или свиньи, его форма мало чем отличается от человеческой. Так утверждает «**Nouveau petit LAROUSSE illustré**» 1936 года, а Габриель привык верить словарям.

Мясникам – веры нет.

Исключение составляет всегда улыбчивый сеньор Молина с еженедельным килограммом вырезки наготове. Когда он смотрит на маму, глаза его подергиваются тонкой влажной пленкой, а мочки ушей краснеют, «вы выглядите сегодня прекрасно, сеньора. Когда вы приходите – ко мне как будто солнышко заглядывает». После этого Молина вздыхает и прикладывает руку к левой стороне груди, и предлагает заходить почаще, «конечно, это не самое аппетитное место для встреч, но мы могли бы пропустить по рюмочке вечерком, в ближайшем баре, как вам такая мысль?»

«Мысль чудесная, – всякий раз говорит мама. – Но у меня, как на грех, слишком много дел... Может быть, потом как-нибудь...»

Неизвестно, что делает Молина, когда мама с Габриелем покидают лавку. Что, если и он принимается вырезать на дереве сердце большим мясницким ножом?...

Габриель мог бы посочувствовать Молине, время от времени подбрасывающему совсем не копейные подарки. Но в книжке со сказкой про Растаявшую Фею была еще одна сказка – «О том, как замерзла маленькая жена мясника», с таким же печальным финалом. И как после этого верить улыбчивым разделывателям туш? Все правильно —

мясникам веры нет.

– ...Видишь эту надпись? – Фэл дергает Габриеля за рукав.

– Какую?

– Вот эту.

Место, куда тычет палец Фэл, занято не крылатым латинским выражением, способным изменить представление о жизни; и не именем человека, способного изменить саму жизнь; проставлена всего лишь дата, четыре цифры:

1974.

– Это год, – уточняет Фэл.

– Меня и на свете не было.

– Да. А твои мать и отец еще даже не познакомились.

– Это какой-то важный год?

– В общем, ничего особенного. Кроме того, что твой отец вернулся с Кубы, а я поступила на подготовительные курсы в университет.

– Чтобы изучать пульсары?

– Чтобы изучить английский, а потом уже изучать пульсары.

– Ты бы могла остаться здесь, и английский бы учить не пришлось.

– Знание иностранных языков еще никому не мешало. – Габриель получает от тетки легкий щелчок по носу. – Но я бы и не осталась здесь. В семьдесят четвертом году все было очень грустно, поверь.

– Все?

– Все, кроме этого места. Мы связывали с ним большие надежды. Твой отец связывал. Он с самого начала хотел устроить здесь книжный магазин. Он привез с Кубы огромное количество книг.

– Это те книги, что стоят у него в кабинете?

– Те. Но большую часть книг он оставил здесь, и это был самый опрометчивый поступок в его жизни.

– Почему?

– Потому что книги, оставшиеся здесь, украли. Неизвестно кто и неизвестно зачем. Последнее дело – воровать книги, как ты думаешь?

Конечно! – хочется воскликнуть Габриелю. Ох, уж эта чудная английская тетушка! она, как всегда, на высоте: заранее ищет оправдания племяннику, даже не подозревая, что он действительно виновен. Опустошенные карманы подвыпивших гуляк, уведенные из многочисленных кафе кошельки и сумки – все это ничто по сравнению с кражей книг.

Как раз в этом ужасающем преступлении Габриель не замешан, а обо всем остальном можно забыть навсегда.

– Воровать книги – плохо, – подтверждает он.

– Пропажа его подкосила. Кажется, именно тогда начались проблемы с сердцем. И вообще – со здоровьем.

Про здоровье (вернее – нездоровье) отца Габриель знает все, тухлая тема.

– А магазин? Он открыл магазин?

– Нет. – Фэл любовно поглаживает 1974. – Открыть магазин оказалось гораздо труднее, чем выдолбить эту надпись, взять сестру за руки и провозгласить: теперь мы заживем прекрасной жизнью, в окружении вещей, которые нас любят и которые любим мы.

– Так надпись сделал он?

– Кто же еще!

– А остальные надписи?

– Они появились раньше. Живут здесь бог знает с каких времен. Вообще-то, если хорошенько присмотреться, то можно обнаружить даже автограф Федерико Гарсия Лорки, великого поэта.

– Здорово.

– Думаю, это миф. Лично я автографа Лорки не нашла. Может, кому-нибудь другому удастся.

– Кому?

– Кто наведет здесь порядок.

– Вот если бы ты, – мечтательно произносит Габриель.

– Вот если бы ты! – Фэл – еще большая мечтательница, чем ее племянник. – Ты, конечно, еще совсем мал, но ты ведь вырастешь?

– Наверное...

– Обещай мне вырасти!..

Подпрыгнув, Фэл оказывается верхом на прилавке; она, как девчонка, болтает ногами и жмет на кнопку старинного медного звонка, вмонтированного в поверхность. Звук, который издает медь, – прерывистый, требовательный, хотя и довольно мелодичный.

– Разве не прелесть?

– Обыкновенный звонок...

«Обыкновенный звонок» никак не хочет затихать, отголоски трели скачут по пустым пыльным полкам, по пологим ступеням лестницы, забираются в картонные коробки. *Ничего удивительного*, думает Габриель, *звонок слишком долго находился в покое, он устал от тишины, не востребованности и запустения, все здесь устало от запустения, все хочет жить совсем другой жизнью.*

Той, где все всех любят и все всем нужны.

– Он должен быть здесь...

Фэл выгибает позвоночник, откидывается назад, и, держась за ребро стойки одной рукой, другой принимается шарить в скрытых от глаз внутренностях.

– Есть! – торжественно провозглашает она.

Предмет, оказавшийся в объятиях Фэл, – самое интересное, что Габриель до сих пор видел в заброшенном магазине. Плоский ящичек высотой сантиметров в десять; не то чтобы

очень большой – размером со шкатулку или фотоальбом. На деревянных торцах ящика выжжены пальмы, раковины и морские звезды, а верхняя крышка украшена самым настоящим панно. Изначально оно было покрыто красками, – теперь краски облупились, но картинка все равно просматривается.

Батальная сцена с бородатыми мужиками, теснящими безбородых.

Трусы-безбородые катятся вниз, их подгоняют выстрелами из автоматов: длинные штрихи и рисованные облачка символизируют разрывы пуль. В центре композиции – Самый Главный Бородач с благородным лицом апостола, разделившего последнюю трапезу с Христом: даже тетка-Соледад, подозревающая все человечество в гнусностях, не смогла бы найти в нем изъяна.

Габриелю тоже нравится бородач.

– Кто это? – спрашивает он.

– Фидель Кастро, лидер кубинской революции. Когда он еще был молод и дружил с Че Геварой. Здесь изображен важный момент в истории Кубы: Фидель и его соратники громят десант так называемых контрреволюционеров, высадившийся в 1961 году на Плайя-Хирон.

– Они победили?

– Да. Увы.

– Почему «увы»?

– Потому что я никогда не разделяла политических взглядов Кастро.

– Эти взгляды такие плохие?

Наивный вопрос Габриеля застаёт Фэл врасплох.

– Не то чтобы плохие... – морщится тетка. – Они чересчур утопические. Нет... Чересчур идеалистические. Нет... Слишком нетерпимые. Волюнтаристские. Диалектикой в них и не пахнет. От них страдает множество людей. Нет, нет, нет... Не мучь меня, малыш. Вырастешь – сам разберешься.

– А папа?

– Что – «папа»?

– Как он относился к Фиделю?

– Твой папа был чтецом на фабрике по изготовлению сигар и предпочитал не говорить о политике. Он был далек от всего этого безобразия.

Вопреки словам Фэл, а может, благодаря им, бородатый идеалист и волюнтарист (кстати, что такое – «волюнтарист»?) все больше завладевает сердцем Габриеля. *Этом* не стал бы отсиживаться среди цирковых плакатов, как жаба на болоте. *Этом* скорехонько поставил бы на место гнуснца-Кинтеро и всю его компашку. *Этом*...

– Ты совсем меня заморочил, – прерывает мысли Габриеля возглас Фэл. – Главное не то, что нарисовано на крышке. Главное – то, что спрятано внутри.

Внутри спрятана брошка в виде маленького краба, с камешками вместо глаз.

В «**Nouveau petit LAROUSSE illustré**» подробно рассмотрены каменный краб, краб-плавунец, китайский краб и рогоглазый краб-привидение, краб *Galathea squamifera* и знаменитый «пальмовый вор»; все они представляют собой выдающиеся творения природы, а брошка...

Брошка – тьфу! жалкая, кричаще-красная безделушка, весьма приблизительно передающая внешность и характер краба, и почему это Фэл так обрадовалась находке? Подносит к лицу, поглаживает кончиками пальцев и только что не целует ее.

– Моя любимая вещица, – объясняет Габриелю тетка. – Отрада моего детства! Я ее обожала, цепляла на все платья, и на футболки тоже, и на блузки с жабо и отложными воротничками. Хочешь сказать, у меня дурной вкус?

– Ничего я не хочу сказать.

– А у тебя есть вещь, которая бы много для тебя значила? Которую хотелось бы спрятать, чтобы потом, через тысячу лет, найти и почувствовать себя счастливым?...

– Нет у меня такой вещи, —

в подтверждение своих слов Габриель мотает головой, *хорошо бы, конечно, заиметь такую вещь*, а еще лучше, чтобы темно-рыжий котенок и в самом деле оказался невредим и чтобы из его жизни навсегда исчезли Кинтеро с друзьями, и чтобы неприятная история с Птицеловом стерлась в памяти. Не так уж много для этого нужно – похоронить на помойке его дневник. Интересно, отдаст ли Фэл чудесный ящичек с подвигами на Плайя-Хирон, если Габриель слезно попросит об этом?

– Нет у меня такой вещи, но она могла бы появиться...

– Правда?

– Отдай мне коробку.

– А ты хитрец! – Фэл смеется, довольная собой и Габриелем. – Это не просто коробка и не просто ящик, это *хьюмидор*.

– Хьюмидор?

– Место, где хранятся сигары. Сложно придуманная штука. Вот, смотри.

Наконец-то конструкция ящичка стала доступна взгляду Габриеля. Стенки и днище сделаны из благородного дерева – кедра или палисандра, они гладкие, свежие и выглядят празднично. Перегородки делят пространство на несколько частей, но главной деталью является круглый золотой циферблат на внутренней стороне крышки. То есть это Габриель думает, что перед ним – циферблат (между тем стрелка всего одна, с круглым наконечником и утолщением посередине). С цифрами тоже происходит путаница: они не расставлены по кругу в привычном порядке, да и самого круга нет, – только мелко заштрихованная полуокружность. Но и диковинный циферблат еще не все! Прямо под ним расположен небольшой и такой же золотистый металлический прямоугольник – с тремя колонками прорезей (по четыре в каждой).

Итого – двенадцать. Плюс две кнопки (или два тумблера, или два рычажка).

– Что это? – Палец Габриеля замирает в нескольких миллиметрах от застекленной поверхности циферблата.

– Термометр, – поясняет Фэл.

Вот черт, Габриель и сам мог бы догадаться!..

– А это? – Палец спускается ниже и упирается в прорези на прямоугольнике.

– Прибор, который регулирует влажность.

– Почему он такой маленький?

– Откуда я знаю? Уж какой есть.

– А зачем ее надо регулировать – влажность?

– Видишь ли... влажность имеет решающее значение для сигары. – Тут Фэл в очередной раз впадает в образ лектора из планетария. – Если сигара слишком увлажнится – ее нельзя будет курить. Она просто не загорится или не будет тянуться. Если же сигара пересохнет – то станет резкой на вкус. Это ужасно, согласись!

– Наверное.

– Одна мысль об этом приводила твоего отца в уныние и плохое расположение духа...

Но, к счастью, существуют хьюмидоры...

– Вот такие ящички, да?

– Ящички, ящички, коробки, шкафчики и даже целые комнаты для хранения сигар. Единственное условие – в них обязательно должен быть такой вот прибор. Который регулирует и контролирует. И температура в хьюмидоре не должна превышать восемнадцати градусов по Цельсию. *Всегда – плюс восемнадцать!* Ты понял?

– Понял. Всегда – плюс восемнадцать.

– Неясно только, зачем я тебе все это рассказала. Ты еще не дорос до сигар. И до курения вообще.

– Но я ведь вырасту?

– Все равно – курить вредно!

– Я не буду курить, обещаю... Но можно мне взять этот... хьюмидор?

В кабинете отца тоже есть хьюмидоры, которые непросвещенный Габриель до сих пор попростежки называл ящиками для сигар: они выглядят много богаче, чем облупившийся хьюмидор из магазина – с лакированными поверхностями и инкрустацией; с утонченными рисунками, заставляющими вспомнить морской прибор, лепестки пионов, спаривание цикад. Наверняка и внутренности отцовских хьюмидоров так же прекрасны, – но Габриелю нужен именно этот, магазинный. Брошенный здесь много лет назад, настрадавшийся от отсутствия солнечного света и одиночества – ведь глупый красный краб из пластмассы – никакая не компания!..

Он заслуживает лучшей участи.

– ...Можно, Фэл? Ну, пожалуйста!

– Конечно, глупышка. Только брошь я все-таки оставлю себе. Ты не возражаешь?...

Никаких возражений.

Краб отправляется с Фэл в Великобританию – охотиться на пульсары, а аляповатый бородач Кастро остается с Габриелем.

Книги, сигары и плакаты так и не покинули кабинет – Фэл не взяла ничего, что полагалось ей по завещанию; «подождем, пока мальчик вырастет, – сказала она матери Габриеля, – а я попытаюсь навести справки о **Bugge Wesseltoft**».

Наводить справки – любимое занятие Фэл, в этом Габриель убеждался неоднократно.

Спустя неделю после отъезда тетки он переселился в кабинет – под весьма благовидным предлогом: *за сигарами необходим тщательный уход, так сказала Фэл*. Мать не особенно возражала, хорошо уже то, что мальчишка не шляется по улицам и не портит одежду, как портят ее другие мальчишки. И вообще – он доставляет гораздо меньше хлопот, чем доставлял в свое время ее вечно жалующийся на здоровье покойный муж. Он неплохо учится в школе. Он – тихий. Он не имеет ничего против сеньора Молины, с которым так приятно пропустить рюмочку в баре (наконец-то время для бара нашлось!). Он даже может без всяких просьб с ее стороны помыть посуду. И загрузить стиральную машину. Чудо, а не сын! И все же...

Он какой-то странный.

Со своенравной Марией-Христиной все понятно, а этот – странный.

Сам Габриель вовсе не считает себя странным. Он чересчур педантичен, это правда. Он внимательно следит за тем, чтобы на корешках книг не собиралась пыль. И чтобы температура в отцовских хьюмидорах не превышала положенных восемнадцати градусов, и влажность соответствовала норме. Лишь однажды приключилось несчастье: в одном из самых маленьких сигарных хранилищ (с короной на крышке из красного дерева) завелся жучок. Он испортил несколько сигар «Laguito № 1», продырявил отвратительными змеящимися ходами их верхний слой. **«Что это за жучок, Фэл, и что мне с ним делать?»** – в отчаянии написал тетке Габриель.

«Не волнуйся, я наведу справки», – откликнулась Фэл.

Пока она, сидя в Англии, разбиралась с проблемой, жучок успел напакостить еще в двух сигарах. Наконец ответ пришел: **«Это насекомое называется *Lasio-dermaserricorne*. Гнуснейшая и коварнейшая тварь, дорогой мой, непримиримый враг всего лучшего, что есть в сигарах. Но отчаиваться не стоит, просто помести больную коробку в морозильник дня на четыре. Поврежденные сигары это не спасет, зато поможет сохранить нетронутые и уж точно уничтожит жучка»**.

Габриель тут же поклялся себе втрое усилить бдительность, тем более что с морозильником дела обстоят не так просто. С тех пор как мама приняла ухаживания добряка Молины, их

морозильная камера до отказа забита мясом. Булавки не всунешь, что уж говорить о коробке сигар!.. Неделю Габриель ждал, когда освободится подходящее местечко. Это стоило жизни еще одной «Laguito № 1», зато остальные спаслись – как и предсказывала всезнайка-Фэл.

А в мясе нет ничего хорошего.

– Я мог бы взять твоего сына в помощники, – сказал как-то Молина. – Похоже, малец он толковый. Не переживай, не сейчас, конечно. Пусть немного подрастет.

– Пусть подрастет, – ответила мать. – Тогда сам решит, чем ему заняться.

– Я, конечно, не собираюсь вмешиваться в воспитание... Но, по-моему, ему не хватает мужской руки. А парню в его возрасте это просто необходимо. Чтобы не вырос тряпкой и уж тем более педиком. Не хочу сказать ничего плохого про твоего покойного мужа...

– Вот ничего и не говори.

– ...но отцовских обязанностей он не исполнял.

– Это не так.

– Ты же сама жаловалась, что он был нытиком!..

Подслушивать разговоры взрослых – себе дороже.

Не ровен час обогатишься совершенно ненужными тебе знаниями. Неудобными. Царапающими душу. Заставляющими ворочаться в постели и напрасно призывать такой желанный сон. А сна все нет и нет, *нытик – ужасное слово, оно сгодилось бы для любого постороннего человека, но только не для отца.* Другие слова, которые его характеризуют, – тоже не лучше. «Чтец на фабрике», в то время как он мог быть боксером в полусреднем весе, на Кубе каждый второй – боксер. Он мог отпустить бороду и примкнуть к соратникам Фиделя, стать его правой рукой, заменив погибшего романтика Че.

Фидель и Че вызывают у Габриеля самые теплые чувства.

«Узнать о них как можно больше» – таков его девиз.

Это именно те знания, которые нужны Габриелю, они комфортны, расширяют кругозор, пробуждают мысли и формируют взгляды. Эмоции, которые они несут, всегда положительны. Да и как можно иначе относиться к личному мужеству, самоотверженности и самопожертвованию, к благородной идее обустроить социально справедливое общество, где всем будет хорошо. Где никому и в голову не придет грабить банки, а до этого – расправляться с кошками, ведь кошкам тоже гарантирована социальная справедливость. Несомненно, Фидель и Че – великаны. Герои и полубоги на манер греческих. И отчего только они не слишком нравятся Фэл?

Выяснять это Габриель не собирается. Выяснять – означало бы вступить с теткой в состояние, близкое к конфронтации, выслушивать аргументы и выдвигать контраргументы, спорить, отстаивать свою точку зрения. Идти по этой дороге у Габриеля – миротворца и конформиста – нет никакого желания. К тому же спор все равно выйдет письменным, как и само общение с Фэл.

Общаться с ней по-другому нет никакой возможности, уж очень она далеко.

Несмотря на это, образ Фэл не тускнеет в сознании Габриеля, напротив, поддерживаемый регулярными письмами, становится все более выпуклым и четким. Влияние Фэл так велико, что Габриель решается даже самостоятельно заняться радиоастрономией и астрофизикой. Благо, в библиотеке отца нашлось несколько книг, посвященных этим замечательным отраслям науки. Габриель с замиранием сердца открыл их, но дальше трех абзацев в предисловии не продвинулся —

до того они оказались сложными.

Заумный текст, чудовищные пятиэтажные формулы; определения, смысл которых ускользает, сноски, от которых возникает боль в затылке и хочется в туалет по малой нужде, – и как только Фэл со всем этим справляется?

Вот если бы у Габриеля были ярко выраженные математические способности!..

Но особых способностей у него нет, он ни в чем не преуспел. Он знает массу терминов, но не в состоянии хоть как-то классифицировать и систематизировать их. Малейшие трудности в осмыслении того или иного предмета заставляют Габриеля уходить в сторону или подниматься над ним на приличествующую случаю высоту. Всегда разную. Важно только, чтобы с этой высоты суть предмета выглядела цельным, радующим глаз пятном —

полосой прибора
реликтовым лесом
виноградником в утренней дымке.

Любая подробность в ландшафте тяготит Габриеля: очутившись в полосе прибора, можно легко порезать ногу о раковину, в реликтовых лесах полно змей и смертельно ядовитых насекомых, а с виноградных листьев гроздьями свисают склизкие улитки.

Уж лучше – парить.

С книгами и справочными материалами по Фиделю и Че дела обстоят гораздо проще: тут все понятно, никаких формул, никакой астрофизики. Повествование в духе «Графа Монте-Кристо», Габриель обожает такую литературу. И славно, что в библиотеке отца она преобладает. «*Перечитать все*» – довольно амбициозный план, но к шестнадцати годам Габриель должен справиться.

По мере того как он взрослеет, срок корректируется. Переносится на более позднее время, речь уже идет не о шестнадцати годах, а... м-м-м... двадцати. Потом – двадцати пяти, ведь, помимо книг, существует множество других вещей.

Жизнь, в конце концов.

Жизнь то и дело отвлекает Габриеля от терапевтического чтения. Нужно уделять время учебе и бесконечному, высасывающему все соки общению. Мать, тетка-Соледад и бабушка с их бесконечными визитами в Страстную неделю, чертов огузок Молина... Хорошо еще, что Мария-Христина выпорхнула из гнезда, и больше никто не донимает Габриеля презрительным «недоумок». Его одноклассники до этого не додумались. Они считают его странным, считают ботаником, выскочкой с первой парты, который вечно лижет задницу учителям. Ничего подобного Габриель не делает, просто добросовестно пересказывает то, что когда-то вычитал в книгах, – память у него отличная. Друзей у Габриеля нет, приятелей тоже, – после Кинтеро с медвежонком и болванами Мончо и Начо такого счастья ему и даром не надо, *почему же они не хотят оставить его в покое?*

Не хотят.

Будучи в скверном расположении духа, одноклассники обзывают Габриеля «зубрилой», а однажды даже сговорились отлупить его. Ничего у них не вышло, хотя силы были явно неравны: пятеро против одного. Габриель не убежал в слезах, не стал кричать, звать на помощь и яростно сопротивляться, – он (спокойно и методично) приспособил к действительности несколько картинок из самоучителя по греко-римской борьбе – тех, где были изображены подсечки и захваты.

Самоучители занимают четыре полки в угловом шкафу.

Иностранные языки, йога, шахматы, контактные виды спорта, музыкальные инструменты (гитара, фортепиано, саксофон и – почему-то – педальная арфа и редко встречающийся арабский уд); семафорная азбука, карточные игры, радиолобительство, аквариумистика, постройка моделей судов, «Как самому вырастить орхидею».

«Как самому вырастить орхидею» – чрезвычайно полезная книга, еще и потому, что Габриель нашел в ней сложенный вдвое пожелтевший листок. Листок разграфлен и густо исписан четким почерком человека, привыкшего во всем полагаться на бумагу. Скользить по ровным (одна к одной) буквам – сплошное удовольствие.

Mareva – № 4

Corona – Corona

Cervantes – Lonsdale
Laguito № 1 – Lancero
Laguito № 3 – Panetela
Prominente – Doble Corona
Julieta № 2 – Churchill
Dalias – 8-9-8
Robusto – Robusto
Piramide – Torpedo
Exquisito – Doble Figurado
Perla – № 5

А в самом низу листка мелкими буквами указано имя – *Хосе Луис Салседо* и, еще более мелкими, – адрес, начинающийся с «Гавана, Куба».

Левая колонка не представляет трудностей для восприятия, в ней указаны марки сигар – не все, конечно; в коллекции, за которой ухаживает Габриель, их намного больше. В правой колонке почему-то упоминаются копыеносец, торпеда, Черчилль и даже похлебка из курятины¹³. Габриель отправляет Фэл листок с записями и просьбой прокомментировать их.

«Твое любопытство и жажда новых знаний не могут не радовать меня, — отвечает Фэл. —

Записи делал твой отец, но ты, наверное, и сам это понял. Думаю, они относятся к тому периоду, когда он работал на Кубе и только-только открывал для себя мир сигар. В левой колонке – их марки, но ты, наверное, и сам это понял. А в правой – те же названия, только на сленге. Так называют эти сигары местные производители и курильщики. К примеру, сэр Уинстон Черчилль отдавал предпочтение „Джульетте № 2“. И, говорят, что за жизнь он выкурил триста тысяч сигар, в основном – этих самых. А „Далиас“ получили название „8-9-8“ потому, что их укладывают в коробку в три ряда – по восемь, девять и восемь штук, всего – 25. О „Марева“ могу сказать, что это самый популярный сорт кубинских сигар, а „№ 4“ происходит от товарного названия сигары данных размеров под маркой „Монтекристо“. Это то, что я знаю наверняка... Относительно других наведу справки, если это так тебе необходимо. И еще: я пришлю тебе один занятный справочник по сигарам, изданный в Англии. Всех вышеперечисленных сведений в нем нет, но есть много чего другого, не менее интересного. Что касается имени и адреса: должно быть, это какой-то знакомый твоего отца, мне о нем ничего не известно. Целую тебя, дорогой мой. Твоя Фэл.

PS. Как продвигается твое изучение английского?

PPS. В QZ Лисички обнаружилось кое-что интересное для дальнейших исследований, но я пока не буду забегать вперед. Сообщи в подробностях, когда это „кое-что“ прояснится».

Справочник, посланный Фэл, оказывается в руках Габриеля спустя неделю после получения письма. Он представляет собой небольшую многокрасочную брошюру с отлакированной обложкой, уймой таблиц и цветными фотографиями. *Что за умницы эти англичане!* – думает Габриель, все у них разложено по полочкам, они мастера точно описывать суть происходящих процессов, не отвлекаясь на красоты и лирические отступления. Англичане и перед лицом неминуемой гибели не состряпали бы пассаж: *«Когда настанет печальный миг расставания с сигарой, не гасите ее принудительно. Оставьте ее в пепельнице, она погаснет сама. Дайте ей умереть достойно»*. Но они скрупулезно воссоздали весь путь сигары – от табачного листа до готового продукта. И получаса не понадобилось, чтобы получить представление о том, какие листья берутся для покрова, какие – для начинки, а какие – для связки. И зачем нужны несколько ступеней ферментации, и как долго длится выдерживание. Процесс удаления центральной жилки на листе особенно умилил Габриеля, и еще – тоненький пласт-

¹³ Lancero – копыеносец (*исп.*), Panetela – похлебка (*исп.*) и т.д.

массовый вкладыш с наиболее распространенными диаметрами всех известных сигар (в натуральную величину). Умницы англичане и умница Фэл, справочник обогатил Габриеля и дал ощущение легкого превосходства над покойным отцом: стоило ли десять лет киснуть на Кубе и собирать материал по жалким крохам, по крупичам, если существуют такие вот блистательные справочники?...

Прочтя его от корки до корки и потратив на это занятие от силы вечер, Габриель знает теперь о сигарах ничуть не меньше папаши. Может, даже больше.

А присовокупив ко всему умение Габриеля справляться с температурой и влажностью в хьюмидорах и на корню изводить жучка *Lasioderma serricornе*, легко сделать вывод:

он – настоящий эксперт.

Путеводитель по миру **habanos**¹⁴ так же увлекателен, как и многостраничные мифы о Фиделе и Че, его хочется перечитать еще раз, сунуть все десять пальцев в прорезанные на вкладыше кружки диаметров. И велико искушение хранить его под подушкой.

Но место под подушкой занято.

Не книгой на ночь, не последним по времени письмом Фэл, не тряпичным кошельком с карманными деньгами – дневником Птицелова.

Габриель тщетно пытался пристроить его в какое-нибудь (более подходящее) место, сунуть на полку с книгами – напрасный труд. Ни одно книжное сообщество не приняло дневник, он выглядит бельмом на глазу, инородным телом в шкафах с классикой, мемуаристикой и переводной литературой. Рядом с трудами средневековых философов, современных психоаналитиков, историческими монографиями, – даже среди самоучителей! А когда Габриель рискнул втиснуть его между Грэмом Грином и «Гэндзи-Моногатари», дневник и вовсе повел себя странно: выдвинулся на палец, потом – на ладонь, а потом – свалился на пол.

Или это Грэм Грин и «Гэндзи-Моногатари» повели себя странно?

Возможно, они знают больше, чем знает Габриель, —

ведь Габриель осилил только первый десяток страниц из дневника.

Почерк у Птицелова чудовищный (вот кто не относится к бумаге как к доброй знакомой!). Слова лепятся друг к другу без всяких промежутков и практически нет ни одной строки, чтобы хоть что-то не было вымарано, вычеркнуто, заретушировано черным. Именно так – просто зачеркнуть слово одной линией Птицелову недостаточно, он должен уничтожить его, стереть с лица земли. Оставшиеся слова смыкают ряды еще теснее. Они кажутся Габриелю деревянными занозистыми болванами, целой армией болванов. Они – такие же простые, как и человек, который написал их; они вполне могли бы работать на кухне, чистить картофель, мелко резать лук. Или заниматься какой-нибудь другой – тяжелой и неблагодарной, – не требующей особого напряжения ума работой.

Именно так – простые слова.

Габриель специально проверял: нет ни одного сочетания букв, незнакомого ему. Если расцепить и растянуть их, поставить отдельно, то получится всего лишь:

я
она
кожа
трогать
волосы
волос
рот
блузка
пятно

¹⁴ Гаванские сигары (*исп.*).

дышу
не дышит
паук
ноготь
капает
стекает
глаз
синий
красный
аккуратно
надрез
всегда

и сотня других слов, даже тетка-Соледад не нашла бы в них ничего особенного. Даже у тетки-Соледад есть глаза, рот, волосы и ногти. Неизвестно, есть ли у нее блузка, но блузки точно есть у Марии-Христины, мамы, бабушки и Фэл. Прежде чем съесть апельсин, мама делает на нем надрезы. Когда же за дело берется не очень ловкий Габриель – сок из апельсина стекает и капает. Габриель не единожды видел пауков, иногда (все чаще) он трогает себя за одно – самое интересное – место. А стоит ему посадить пятно на рубашку, как все вокруг начинают говорить: «Что за наказание! Ты мог бы есть аккуратно?» Когда Габриель ныряет в воду – он не дышит, а все оставшееся время – дышит.

Море (если смотреть на него издали) – синее.

Запрещающий сигнал светофора – красный.

За всеми этими словами скрывается совершенно ясная, обычная, ничем не примечательная жизнь, такой она была всегда.

Совсем другие вещи происходят в дневнике Птицелова. Простые слова, собранные в определенном порядке, обдают Габриеля таким смрадом, что мороз продирает по коже (коже, о!..). В дневнике Птицелова происходит что-то очень страшное, пугающее, нечеловеческое. Габриель еще недостаточно взрослый и недостаточно умный, чтобы понять, *что именно* происходит там, одно он знает точно: дневник никто не должен увидеть.

Хотя бы до тех пор, пока он сам во всем не разберется.

Вот ему и приходится постоянно прятать записи Птицелова, и место под подушкой кажется относительно безопасным. Какое-то время, пока не начинаются ночные кошмары. Они лишены определенного сюжета, образов в них тоже немного; есть лишь стойкое ощущение надвигающейся беды, мутной, липкой и неотвратимой. Есть ощущение затерянности в бесконечных ужасающих лабиринтах, где только один вход (он же является выходом) – и где Габриеля поджидает...

Поджидает
смерть.

Ничего общего с тем роскошным составом, на котором уехал его счастливек-отец, смерть – никакое не средство передвижения. Смерть – это...

Габриель просыпается, так и не уяснив, что же такое на самом деле смерть, с него градом катится пот, зуб не попадает на зуб, ладони невозможно разжать. А когда они все же разжимаются, то на них хорошо видны тонкие полоски от ногтей.

Синие, но иногда – красные.

Наверное, Мария-Христина (большая поклонница «ДЖЕФФЕРСОН ЭЙРПЛЕЙН» и их «Сюрреалистической подушки») отнеслась бы к происходящему иначе. Более спокойно, более философски. Не исключено, что она бы просто посмеялась, отпустила пару шуточек. Но все происходит не с ней, а с несчастным Габриелем.

И вариантов решения проблемы у Габриеля нет.

Он чахнет на глазах, и это становится заметно окружающим.

– Ты не заболел, сынок? – обеспокоенно спрашивает мать. – Сегодня ночью ты вскрикивал... Нужно показать тебя доктору.

– Нет, со мной все в порядке.

Габриель панически боится докторов и разговоров о них, среди докторов встречаются такие ушлые типы, такие доки, что и сам не заметишь, как из тебя выудят все на свете!

– Ты похудел. Ты совсем худой и мало ешь. Вон какие у тебя круги под глазами. Ты часом не стал курить? Ты скоро совсем свихнешься со своими сигарами.

– Я не курю. Честное слово.

– Может, тебя беспокоят легкие? Боли в груди нет? У твоего покойного отца...

– Я даже ни разу не кашлянул, мама! Я вообще не кашляю.

– А сердце? Тебя не беспокоит сердце?

– Да нет же! Говорю тебе – мне просто приснился дурной сон. Уже и не вспомнить – что именно. Наверное, из-за того субботнего фильма, ты помнишь, мы его вместе смотрели? «Демоны-2. Кошмар возвращается».

– Какой только чуши не наснимают, господи прости!..

Если это и чушь – то совершенно безвредная. Такая же безвредная, как и склонные к дешевым световым и шумовым эффектам киношные демоны, они способны напугать лишь младенца в люльке. Дорого бы дал Габриель, чтобы ничего страшнее этих демонов ему не снилось.

Успокаивают ли его отговорки мать – неизвестно.

Но периодически всплывают тексты об излишней впечатлительности Габриеля, его пугающей страсти к книгам, тлетворном влиянии писем «мерзкой англичанки», добровольном затворничестве среди коробок с сигарами и даже о глистах. Молина, в отличие от матери, смотрит на ситуацию гораздо более оптимистично:

– Что поделаешь, малец вырастет. Обнаруживает в себе всякие неожиданные изменения, прислушивается к новым ощущениям. Все мужчины проходят через это, уж поверь. Главное, чтобы он не вырос тряпкой. Или того хуже – педиком. Ну хочешь, я поговорю с ним?

– Не стоит. Еще наговоришь пошлостей, а он возьмет и замкнется в себе окончательно...

– Вот что я скажу тебе, малышка, а ты попытайся понять своей хорошенькой, лишенной мозгов головкой: иногда здоровая мужская откровенность намного лучше, чем бабские сопли, стенания и ненужная опека. И если ты так переживаешь о душевном здоровье своего сына, то отдай его мне в помощники. Физический труд и разумная нагрузка на мышцы быстро приведут его в чувство и вернут в нужную колею.

– Мне бы не хотелось...

– Да брось ты! Это же не парень, это какой-то хорек! Сиднем сидит дома, уткнувшись во всякую ерунду. Меня в его возрасте дома и не видели. На мне живого места не было от синяков и шишек, один раз мне даже губу порвали. Для мужчины это нормально, если он не собирается стать тряпкой. Или педиком... И друзья у меня не переводились, а к нему и не приходит никто.

– Хорошо. Если ты считаешь нужным – поговори с ним.

Разговора с Габриелем у Молины не получается, хотя он улыбчив, как всегда. Время игрушечных паровозиков, солдатиков из олова и леденцов прошло, теперь Молина может порассуждать и о девочках, нравятся ли Габриелю девочки, и что он думает о них, и что в это время представляет. А если Габриелю нравятся девочки постарше (намного старше) – то это не беда, это нормально, это очень хорошо. Когда он, Молина, был в возрасте Габриеля, он только и искал девочек, чтобы понаблюдать за ними, заглядывал к ним в вырез платья и – в случае особого везения – под юбку. А под юбкой чего только не обнаружишь, правда, малец?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.